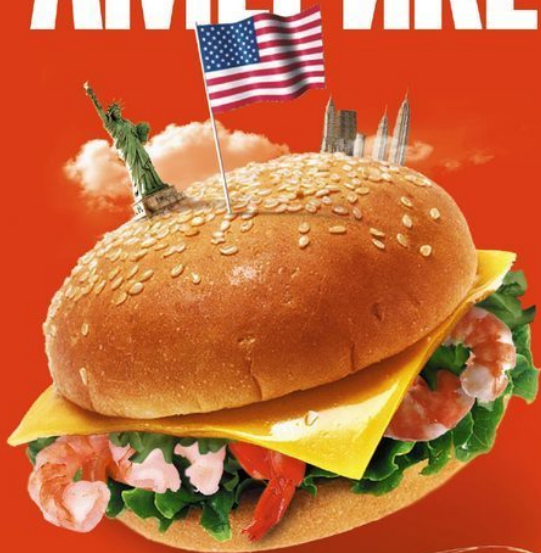

СВЕТЛАНА БУКИНА

НЕОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

◀ ЗАПИСКИ ЭМИГРАНТКИ

Светлана Букина

Неоднажды в Америке

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182883
Неоднажды в Америке: АСТ, АСТ Москва; М.:; 2009
ISBN 978-5-17-055432-4, 978-5-403-01686-5

Аннотация

Кто сказал, что родину, как и маму с папой, не выбирают? Едва дождавшись первых порывов свежего ветра из-за «железного занавеса», хорошая девушка Света, как и многие граждане СССР, упаковала чемоданы, взяла мужа подмышку и рванула в сказочную страну своей мечты. Теперь, прожив уже немало лет в США, знаменитая azbukivedi по-прежнему уверена, что сделала правильный выбор. В стране, где люди не огораживают своих домов заборами и не вешают пудовые замки, где на улицах чисто, а люди всегда улыбаются даже незнакомцам, ей легко и уютно. Хотя и Америка, к сожалению, не рай на земле...

Мы смеемся над иностранцами, которые подозревают, что в Москве на Красной площади разгуливают медведи в кокошниках, а русские начинают свой рабочий день стаканом водки, заканчивают – пальбой из автомата Калашникова. Но разве мы сами не находимся во власти стереотипов? А вы когда-нибудь были в Америке?

Сегодня вам предстоит уникальный шанс увидеть жизнь Штатов с изнанки, глазами русской девушки с европейскими корнями.

Содержание

Две грации: эми и имми	5
Колбасная эмиграция	6
Визит дамы	9
Баловство в Америке I	17
Ноготь	19
Это было бы смешно...	25
Велик и powerful наш russian язык	28
Что в имени тебе моём?	32
На каблуках	36
Баловство в Америке II	39
Киса, ты с какова города, или Размышления небезродной космополитки	41
Иммигрантско-обескураженное	53
Баловство в Америке III	58
Путешествие из Вашингтона в Москву, или Семнадцать лет спустя	60
Просто жисть заокеанская	101
Свадьба	101
I. Благие намерения	101
II. Гражданство	102
III. Приключения с машиной	106
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Светлана Букина

Неоднажды в Америке

Две грации: эми и имми

Мне думается, что есть люди, которые родились не там, где им следовало родиться. Случайность забросила их в тот или иной край, но они всю жизнь мучаются тоской по неведомой отчизне. Они чужие в родных местах, и тенистые аллеи, знакомые им с детства, равно как и людные улицы, на которых они играли, остаются для них лишь станцией на пути. Чужаками живут они среди родичей; чужаками остаются в родных краях. Может быть, эта отчужденность и толкает их вдаль, на поиски чего-то постоянного, чего-то, что сможет привязать их к себе. Может быть, какой-то глубоко скрытый атавизм гонит этих вечных странников в края, оставленные их предками давно-давно, в доисторические времена. Случается, что человек вдруг ступает на ту землю, к которой он привязан таинственными узами. Вот наконец дом, который он искал, его тянет осесть среди природы, ранее им не виданной, среди людей, ранее неизвестных, с такой силой, точно это и есть его отчизна. Здесь, и только здесь он находит покой.

С. Моэм. «Луна и грош»

Колбасная эмиграция

Я не особенно-то её люблю, эту колбасу. И сосиски тоже. Можно меня переименовать в «филе миньон эмиграцию»? Ну, или в «лососиную эмиграцию», на худой конец? Хотя нет, я ехала сюда не за лососем, а за креветками. Даёшь креветочную эмиграцию!

Я хочу, чтобы нас перестали, наконец, валить в одну кучу. А то «за колбасой, за колбасой...» Далась вам эта колбаса! Мы все за разным сюда ехали. Кто за трюфелями, кто за спаржей, кто за чёрным хлебом с маслом.

Предлагаю термин «колбасная эмиграция» отныне считать некорректным. Он глубоко оскорбляет всех эмигрантов, равнодушных к колбасе, не говоря уже о вегетарианцах – для них это просто плевок в лицо. Давайте проявим индивидуальный подход.

Я как-то спросила читателей своего блога, за какими продуктами и благами цивилизации они сюда ехали. Высокие идеи просила не предлагать. Прочитав все комментарии, я поделила эмигрантов на следующие группы:

1. Гурманная эмиграция. Фрукты, этнические блюда, морепродукты, хорошие вина, всякая экзотика, даже горчица.
2. Одежно-обувная эмиграция. Даёшь туфли и джинсы! Очень популярная категория среди тех, кто уехал до начала девяностых.

3. Квартирная эмиграция. Хочу по комнате на каждого ребёнка; не люблю вонючие подъезды; ненавижу, когда топают над головой.

4. Погодно-климатическая эмиграция. Солнце, эвкалипты, океан, пальмы, шорты, секвойи, закаты – желательно всё сразу и круглый год. Сюда же относится туристическая эмиграция до девяносто второго года розлива – желающие посмотреть мир, охотники за визуальными впечатлениями и прочие примкнувшие к ним.

5. Дыхательная эмиграция. Чужая страна, чужой город, никогда не чувствовал(а) себя там дома, не мог(ла) там дышать, всегда хотел(а) уехать, это было единственным возможным решением. Сюда же относятся убежавшие из бывших республик Средней Азии, от войны, от погромов, от **реальной** нищеты и голода, а также родители умственно и/или физически отсталых детей.

6. Профессиональная эмиграция. В эту группу входят только те, кто физически не мог заниматься тем, чем занимаются сейчас, – оборудования для этого не было, например, или реактивов. Тот, кто мог делать то же самое, но ещё хотел, сволочь такая, чтобы ему за это платили, относится к одной из вышеперечисленных групп.

7. Занудная эмиграция. Вы им про колбасу, а они продолжают бубнить про политические свободы, коррупцию, убийства журналистов и службу в армии; нет чтоб честно сказать, как все, за какими продуктами ехали.

8. Декабристы и декабристки. За мужем или женой уехали. Сан-Франциско вообще очень напоминает Сибирь.

9. Моя любимая группа – длинно-долларово-шекельно-марковая эмиграция. Дайте денег побольше, а на что их потратить, мы сами разберёмся. Может, я о мотоцикле всю жизнь мечтал. Или о своей конюшне. А я еду, а я еду за деньгами – за туманом едут только дураки. Люблю за бескомплексность.

Предлагаю записать все эти категории на бумажке, и в следующий раз, когда какой-нибудь потреот посмеет упрекнуть вас в любви к колбасе, объясните ему популярно, что он неполиткорректно выражается. И предложите альтернативный вариант. Или комбинацию оных.

Вот я, например, дыхательно-гурманно-квартирная эмиграция. И обзывать меня колбасницей – это как... это прямо... это всё равно что обзывать афроамериканца негром!

А если совсем серьёзно, то из дыхательных я...

Визит дамы

Какими же старухами казались мне в 15 лет сорокалетние женщины! Усталые, с ранними морщинами, забежавшие, задёрганные жизнью, неустроенностью, вечной нехваткой того или этого, духовного или физического, эмоционального или материального. Наши мамы. За редким исключением, положившие на себя; «со следами былой» или уже без оных. Мы такие юные и прекрасные, а тут эти... старые курицы.

Жестоко, но 15 лет – жестокий возраст, чего уж тут оправдываться за прошлые грехи, тем более что грехи исключительно «умственные». Что думалось, то думалось.

Почти все мои знакомые иммигранты помнят момент, когда они решили: «Всё! Уезжаю!» У некоторых процесс принятия решения шёл постепенно и момент эврики не отложился в памяти, а может, и не было его. Но те, у кого он был, запомнили этот поворот в сознании на всю жизнь.

Для меня такой момент наступил в восьмом классе, когда в Москву приехала Циля.

Я бы в жизни не узнала о сием знаменательном событии, если бы она не привезла что-то-там-уж-не-помню-что от маминой двоюродной сестры. Тётя моя уехала в Америку в середине семидесятых, когда мне было лет пять или около

того, и регулярно посылала нам письма с большим количеством фотографий, а также посылки с вещами, о которых стоит как-нибудь написать отдельно. Сейчас-то я знаю, что по большей части это была китайская дешёвка, но в Москве семидесятых ярко-красные тапочки с вышитыми на них павлинами или ядовито-розовые ночные рубашки с цветочками всех оттенков зелёного и синего на груди казались сокровищами Али-Бабы. Когда я гуляла по улицам в куртках или юбках, присланных тётей, на меня в буквальном смысле оглядывались все. Не было в Москве ни такой одежды, ни таких красок, ни таких фасонов. Просто не было. А какие она присылала наклейки! Я лепила их на обложки дневников, и посмотреть на это переливающееся чудо сбегалось полкласса. Качество цветных фотографий на кодаковской плёнке поражаало моё детское воображение. Вот моя троюродная сестра стоит возле своего дома, на *своей* лужайке и играет не то в крикет, не то в мини-гольф. Вот вся американская родня сидит в ресторане за столом. Ничего себе там рестораны. Вот... Да мало ли было этих «вот»? Другая жизнь совсем, разве сравнишь?

Я воспринимала всю эту заморскую красу как сказку. Да, там свои лужайки и омары в ресторанах, там красивая одежда и открытки, которые можно рассматривать часами, но это *там*. А я – тут. Тут мой дом, мои друзья, мои родители. Вырасту – в гости поеду.

Классу к восьмому я уже всё хорошо понимала про Совет-

ский Союз и окружающую меня действительность и никаких пионерских иллюзий не питала. К тому же у меня всегда были сложные отношения с Москвой. Не то чтобы я Москву не любила, просто *не* любила. Ходила по улицам и чувствовала: не моё. Как мужик, уверяющий, что он на самом деле баба, только не в том теле родился. Вот не мой город, и всё. А какой твой? А кто его знает... Я родилась и выросла в Москве, но навещала и другие города и нигде себя дома не чувствовала.

Тем не менее об отъезде я тогда не задумывалась. В голову не приходило.

В начале девяностых, когда мы уже были в Америке, один наш знакомый американец поехал в Россию в командировку. Через пару месяцев после его возвращения на какой-то вечеринке мужчины принялись обсуждать, насколько восточноевропейские девушки красивее североамериканских. «О, кстати, Боб, ты ж недавно в Москве был, как тебе русские женщины?» – поинтересовался мой муж. Боб, к нашему удивлению, замялся.

– Что такое? Не понравились русские женщины?

– Очень понравились русские девушки, – улыбнулся Боб, – но что с ними происходит после сорока, я не знаю. Наверное, там очень тяжёлая жизнь. Я видел очень много красивых девушек, но ни одной красивой женщины старше сорока.

Имя Циля ассоциировалось у меня со старой еврейкой – с большим носом, жёсткими чёрными усиками и прилично-го размера задницей. К тому же Циля уехала в Америку до того, как я родилась. И уже институт на тот момент закончила. Мамонт. Ладно уж, приехала, привезла гостинцы, может, расскажет что-нибудь интересное – пойдём пообщаемся с Цилей. Первая, можно сказать, постперестроечная ласточка, по крайней мере из тех, кого нам удалось увидеть. Интересно всё-таки.

В комнату не вошла, а впорхнула молодая, стройная, со вкусом одетая женщина с задорной челкой, широкой улыбкой, обнажающей великолепные зубы, и с искорками в глазах. Она тараторила без перерыва: «Ой Светочка как же много я о тебе слышала а как там школа а что новенького а вот это кольцо тебе ой а это наверное Леночка я тебя привезла подарки а вы знаете мой папа так рвался в Москву но увидел очередь в гастроном и сказал вэйз мир он не будет тут стоять даже если они золото там бесплатно выдают вы знаете отвыкаешь от этого очень а вы Ира очень приятно познакомиться мне много о вас рассказывали вэйз мир какой тут воздух чем вы дышите вэйз мир и очереди, очереди а вы Женя да ну как же очень приятно...»

И так два часа. Мы мило улыбались, спрашивали о

жизни в Америке, радовались подаркам, рассказывали о себе и своей жизни, передавали посылки и приветы, разглядывали фотографии и обещали, что подумаем об эмиграции. Потом мы прощались, опять улыбались и на обратном пути обсуждали Цилины туфли и платье (ещё бы, мы о таком и не мечтали). И тут другая моя тётя (не помню уже, по поводу чего) вдруг сказала: «Ну да, в свои сорок два, с двумя взрослыми сыновьями, она уже...»

Дальше я не помню. Ни слова. Возраст Цили ударил меня током и надолго вышиб из колеи. Я и забыла, что она должна быть старше меня лет на двадцать с чем-то. Мне как-то в голову не пришло, что эта молодая, изящная, без каких бы то ни было следов усталости на лице женщина является матерью двоих сыновей, каждый из которых был старше меня. Во время нашей встречи мне ужасно хотелось уединиться с ней и поболтать по-девичьи: поинтересоваться, где дают такие туфли, расспросить про макияж и краску для волос, узнать что-нибудь интересное про американских парней и рассказать о своей жизни. Я отдавала себе отчёт, что передо мной взрослая, замужняя женщина, но это был тот случай, когда возраст казался неважным. Передо мной сидела молодая *женщина*, бесконечно далёкая от столь привычных мне окружающих дам этого возраста. Не расплывшаяся, не махнувшая на себя рукой, а явно старающаяся быть привлекательной и наверняка пользующаяся успехом у мужчин.

С присущим мне тогда максимализмом я сказала об этом своей маме. Вот, мол, я-то думала, глядя на вас всех, что сорок – это старость, а посмотрела на Цилю и усомнилась. Совсем молодая она – и внешне, и внутренне. По поводу чего выслушала получасовую лекцию про жизнь там и тут, про их быт и наш быт, про их средства для ухода за собой и наши.

С того дня я захотела в Америку. Помню весенний день восемьдесят шестого года, помню себя, восьмиклассницу, в шоке от только что открытого и понятого. Помню, как что-то законтачило в голове. Я была равнодушна к деталям: ни красивая одежда, ни блестящие наклейки, ни креветки и авокадо, ни яркие фотографии из американской жизни не имели значения. Как не имели значения очереди за колбасой и необходимость стирать пододеяльники руками в ванной, пионерские дружины и давка в автобусе по утрам. Я просто вдруг поняла, что Америка даст мне шанс дольше быть женщиной, не устать к сорока годам, не превратиться в наших мам и тётъ. И так мне захотелось в тот мир, где сорокалетние женщины молоды и привлекательны...

* * *

Забавно писать об этом из Америки двадцать первого века. Количество некрасивых, толстых, плохо одетых и неухоженных женщин тут потрясает даже в Бостоне, а уж в каком-нибудь Кентукки – просто кошмар. Циля мало похожа

на среднюю американку того же возраста. Впрочем, я тоже мало похожа на среднюю американку, и слава богу. У нас просто есть *шанс*— лёгкий быт, современные косметические средства и достаточное количество денег. А уж как пользоваться этим шансом — другой вопрос.

Сегодняшние россиянки тоже разительно отличаются от советских женщин середины восьмидесятых и начала девяностых: количество ухоженных дам за сорок выросло во много раз. Но тогда, в восемьдесят шестом, я ничего этого не знала. Я просто сказала родителям, что уеду в Америку.

И объяснять ничего не стала. Мама только головой покачала: переходный возраст у девочки...

На первом курсе за мной ухаживали два парня. До дома провожали и друг друга пересиживали: ни один не уходил раньше, чем другой. Один из них хотел эмигрировать, а другой — нет. Довольно быстро я поняла, что с тем, который уезжать не собирался, я даже начинать ничего не хочу, потому как не буду тут жить. Я ездила на общественном транспорте, смотрела на лица людей и всё время думала: «Ну почему я здесь? Чужие все, чужое всё. И женщины стареют рано». Как только мне исполнилось восемнадцать, я подала документы на выезд. И вышла замуж за молодого человека, который рвался из страны.

Моё отношение к Америке, к России, да и просто к жизни сильно изменилось с тех пор, как изменилась я сама. Только желание продлить молодость осталось. И память осталась —

о Циле и о дне, подарившем мне надежду, подарившем мне мой дом.

Баловство в Америке I

Мы прилетели в Нью-Йорк 7 декабря 1990 года. Работники ХИАСа были на подхвате. Услышав свою фамилию, новоиспечённые иммигранты один за другим отделялись от толпы и проходили к столикам. Там они что-то писали, отвечали на вопросы, получали какие-то карточки и уходили – кто к родственникам и друзьям прямо в Нью-Йорке, а кто на другие терминалы – лететь в города назначения.

Мы стояли. Толпа потихоньку рассеялась, и мы остались одни. В списках ХИАСа нас не было. В ответ на недоумённые вопросы работники только пожимали плечами и говорили, что мы, наверное, не евреи. Нас не было в списках.

– А что же делать?

– А откуда мы знаем?

Проблему обнаружили довольно быстро. Главой семьи у нас значился отчим моего мужа, по национальности русский. Он, правда, с нами не приехал, а задержался в Москве на несколько месяцев по техническим причинам. В аэропорту в тот день стояли три чистокровных еврея – мой муж, чей родной отец был евреем, свекровь и я. А нам упорно объясняли, что поскольку мы не евреи, ХИАС нас знать не знает. Мы запаниковали: денег с собой долларов 50 от силы да по паре чемоданов на человека; документов нет, и никто нас знать не знает. Одни в чужой стране, после двух суток без сна.

Самой близкой моей родственницей в Америке была та самая мама двоюродная сестра. Хотя мы ехали совсем не к ней, это был единственный человек, которому я могла позвонить. Тётя выслушала меня совершенно спокойно и сказала фразу, которая мне на тот момент показалась по меньшей мере странной, если не идиотской: «Светочка, ты не волнуйся, ты уже в Америке; всё в порядке. Ты в Америке».

То, что я «уже в Америке» и волноваться ни о чём не надо, тётя повторила раза четыре. Ну да, а я-то думала, что в Бурунди приземлилась. Позвонила, называется. Разбаловались тут, в своей Америке, проблем новоприбывших совершенно не понимают.

Через пару часов, правда, всё устаканилось. Откуда-то появились ребята из Международного комитета спасения, оформили наши документы и отправили в Бостон. А там уже нас встретили родственники мужа, да и ребята из МКС денег и советов подкинули. Началась жизнь в Америке.

Ноготь

Я тогда ещё не успела привыкнуть к рождественской сказке американских пригородов: мы только две недели как приехали, и после серой Москвы девяностого года Медфорд, маленький зачуханный городок к северу от Бостона, показался Диснейлендом.

То прыгая на одной ноге, то ковыляя, морщась от боли, я поглядывала на светящихся снеговиков, на разноцветные огоньки, гирляндами свисающие с крыш и деревьев, на оленьей, тянущих яркие санки с надутыми Дедами Морозами, на подсвеченных волхвов и Мадонн с Иисусами и на редкие меноры в окнах.

Рождественские огни немного отвлекали, спасая моего мужа от уже надоевшего детского вопроса: «Нам ещё долго?» От нас до ближайшей больницы на здоровых-то ногах бодрым шагом идти как минимум полчаса, а на честном слове и на одной ноге по засыпанным снегом дорогам пилить час, наверное.

Проблема глупая, глупее некуда. Ноготь врос. Врастают они у меня с детства – слишком глубоко посажены. И с детства я научилась, аккуратно поддев краешек ногтя, вырезать его из мякоти большого пальца. Потом ещё пару недель можно ходить, затем процедура повторяется. В этот раз что-то пошло не так. То ли щипчики плохо помыла, то ли слишком

много резанула, только палец распух до чудовищных размеров, сначала покраснел, потом слегка посинел и болел невыносимо, превращая ходьбу в пытку. Я честно ждала, пока он сам пройдёт. Ждала день, ждала другой. Лучше не становилось. Муж и свекровь забеспокоились и предложили пойти к врачу. К какому врачу? Мы в Америке без году неделя, только что получили карточки медикейда (страховка для бедных), что делать и куда звонить – понятия не имеем. В итоге выяснили две вещи: во-первых, ноги, а особенно ногти, лечит врач podiatrist. Во-вторых, в стране рецессия, дотации на медикейд сократили, и услуги подиатриста наша страховка больше не покрывает.

Как же быть? А в ER, говорят, идите, лучше вечерочком, когда офисы врачей уже закрыты. Боль, скажите, нестерпимая, нужно срочно что-то сделать. Они помогут, вырежут, перевяжут, а медикейд оплатит.

Им там, в Брайтоне, хорошо советы давать – город, транспорт, больницы под боком. А мы в Медфорде автобус-то видим через два дня на третий, и ни один из них не ходит от нас до ближайшей больницы. Тут народ на машинах ездит; без машины в пригородах – никуда. Машина у нас будет, конечно, вот ещё несколько месяцев, и она у нас будет...

А пока я, поскуливая и прихрамывая, периодически повисая на терпеливом и сочувствующем муже, тащусь на морозе в восемь часов вечера в ER. Наконец мы у цели. Радости моей нет предела: господи, в тепло, на диван, задрать боль-

ную ногу, заодно и уставшую от двойных нагрузок здоровую, отогреться, отдохнуть, вылечиться, в конце концов. О том, что потом надо будет идти домой, я стараюсь не думать.

В любом случае домой я пойду уже вылеченной.

Тётенька в приёмной смотрит на меня как-то странно. Вросший ноготь? Медикейд? Хорошо, посидите.

Emergency room – «водосток» здешнего здравоохранения, прибежище бедных, которых в обычных врачебных кабинетах либо не принимают, либо принимают с доплатой. Emergency – дело серьёзное по определению, там с бедняков денег не берут, вот и валят они, дождавшись темноты, в ER близлежащих больниц со своими проблемами – от воспаления среднего уха до всплеска задремавшей было гонореи. В городских больницах давно к этому привыкли и даже не пытаются как-то разобраться с проблемой.

Но то в городских. А мы – в Медфорде. Средний класс. Свои дома и машины. Светящиеся снеговики, разноцветные гирлянды, подстриженные газоны. В больнице – ни одного цветного лица. Белые, чопорные, похожие на ту тётку из «Полёта над гнездом кукушки», как её там, ей ещё Оскара дали. Чужииииие...

Но разве это важно? Я на диване, в тепле, могу и посидеть. Вон, по телевизору что-то про СССР показывают. Английский я ещё не шибко хорошо понимаю, то есть понимаю, если говорят *мне* и медленно, а по телевизору лопочут со скоростью брошенного стакана – не разбери-пойми-что. За-

то один и тот же сюжет, много раз. Знаете, какой самый лучший способ научиться понимать американский телевизор? Смотреть CNN часами. Когда смотришь одно и то же с завидной периодичностью, то если не поймёшь с первого раза, то поймёшь с пятого, тем более что история с картинками. Вот показывают Горбачёва и Шеварднадзе. Когда я уезжала, он был ещё, кажется, министром иностранных дел. А теперь уже вроде нет. Или я опять прослушала? Ладно, скоро повторят сюжет.

Сюжет действительно повторяют. И ещё раз. И ещё раз. Я даже начинаю понимать, что они говорят. На часах десять, потом одиннадцать... Люди приходят и уходят, а я сижу.

Часа через три мы подходим к даме, сидящей на входе, и вежливо интересуемся, сколько ещё нужно ждать. Оглядев меня с ног до головы, она изрекает: «Ну что ж, вы ждёте уже достаточно, скоро вас позовут».

– Интересно, – спрашиваю у мужа. – Достаточно – это сколько?

– Не знаю, – пожимает он плечами. – Может, для болей в сердце достаточно десять минут, а для вросшего ногтя – три часа.

– Но тут больше никого нет! За всё время пришли три или четыре человека, и их уже давно вызвали.

– Ну откуда я знаю? Сказали «достаточно»...

Меня вызвали ещё через полчаса. Та же история: удивлённая чопорная медсестра, очередной час ожидания уже в па-

лате на кровати. Около полуночи в комнату зашёл, наконец, врач, безглаголиво взял в руку мой палец, покрутил и изрёк:

– Воспалились ткани вокруг вросшего ногтя. Вам нечего тут делать, езжайте домой, а утром идите к подаитристу.

– Я... я не могу домой, – испугалась я. – Я сюда пешком пришла, еле дошла, я обратно не дойду.

– Девушка, вам нечего делать в Emergency room; ничего срочного тут нет. Этим должен заниматься специалист по болезням ног. – На гладко выбритом, холёном лице начало проявляться раздражение.

– Я не могу, я не пойду, я не уйду отсюда! – Кажется, я уже визжала. – У меня медикейд, он не покрывает подаитриста вашего, у меня нет машины, я не могу ходить, мне сказали, что мне тут вырежут ноготь, я не уйду, я не пойду!

Я остановилась, чтобы перевести дыхание. Раздражение на лице доктора сменилось безглаголивостью. На лице медсестры я увидела ужас. Мне было всё равно: не уйду, пусть режут.

– Сейчас я вырежу ваш ноготь, но запомните: в ER с такими проблемами не ходят, – холодно сказал врач и вышел.

Он скоро вернулся с кучей инструментов. Сделал мне очень болезненный укол – просто всадил шприц в палец, не особо заботясь, как и куда. Потом начал резать. Анестезия помогала плохо – то ли её было мало, то ли надо было ещё подождать. Я старалась не смотреть на ногу. Смотрела на мужа, на медсестру, на врача. Его лица не покидало выражение безглаголивости. Какими-то огромными щипцами он быст-

ренько оттяпал мне полногтя (я вскрикнула от боли), чем-то помазал, кое-как перевязал и отпустил с напутствием:

– Не приходите сюда больше!

Когда я допрыгала домой, было около двух часов ночи. Палец нещадно болел: отходила заморозка. Потом, через несколько дней, когда опухоль сойдёт и смоеся кровь, я увижу, как изуродован большой палец. Ещё позже обнаружу, что ноготь теперь вырастает не кончиком, у кромки пальца, а с самого основания, по всей длине. И вырезать его придется почти целиком, и самой это делать трудно. Изуродованный палец воспаляется чаще.

Но это потом. А пока по телевизору показывают «Унесённых ветром», сна ни в одном глазу, нога болит, лекарств дома нет, как и денег на них. Я сажусь смотреть кино. На экране оголодавшая Вивьен Ли лихорадочно запихивает в рот какую-то еду. Потом встаёт, грязная, униженная, вроде бы навешаясь, но неудовлетворённая, и бросает небесам:

«Я никогда больше не буду голодной!»

Это было бы смешно...

В девяностом и девяносто первом годах русскоязычных иммигрантов в Бостоне было ещё сравнительно немного, и большинство жили в двух-трёх облюбованных русскими районах. В других городах бывшие соотечественники попадались и того реже. Шансы услышать на улице русскую речь выражались в пренебрежительно малых числах. Быстренько сообразив, что их никто не понимает, люди распоясывались и начинали обсуждать по-русски что попало и кого попало.

Надо честно признаться, что мы не были исключением. Нагло обсуждали людей у них под носом, делились подробностями прошлой личной жизни и толковали обо всех и всяческих физиологических функциях организма. Даже вспоминать стыдно. По счастью, мы не попадались. А если и попадались, то никто виду не подавал.

Первый раз я поняла, что подобные вольности могут быть чреваты последствиями, через несколько месяцев после приезда. Ничего особенного не произошло. Я просто сказала в магазине: «Сейчас возьму сосиски, как только эта тётка в жёлтом отойдёт». «Тётка» повернулась и радостно сообщила, что тоже говорит по-русски. Мне мой урок достался легко, а вот другим повезло меньше.

Где-то через полгода после приезда в страну я ехала в центр на трамвае. Впереди сидела пожилая пара и говорила

по-русски, причём говорила много и громко. Мы находились в одном из районов, густо населённых русскоязычной публикой. Там надо быть вдвойне осторожными, но пара свои уроки явно ещё не выучила и перемывала кости какой-то знакомой – с кем она спит, с кем она развелась, от кого у неё дети и прочая полезная информация. Им повезло, что я не знала, о ком они говорят. Я просто мысленно отключилась и стала смотреть в окно.

На следующей остановке в трамвай вошла крупногабаритная дама и остановилась около нас. Я приняла её за американку. Пара передо мной явно совершила ту же ошибку. «Освободи место этой корове», – говорит жена мужу. Муж лениво встаёт. Женщина садится. И на прекрасном русском отвечает: «Корова вас благодарит». Как вы, наверное, уже догадались, наши русскоязычные друзья, красные, как пионерский галстук, вылетели из трамвая на следующей же остановке. Нет, они не извинились. Они до выхода вообще больше ни одного слова не проронили.

А со мной совсем смешной случай был. В один погожий день, возвращаясь из колледжа, я решила прогуляться домой пешочком от метро. Иду себе, наслаждаясь тёплой погодой, а сзади два молодых парня ведут примерно следующий разговор:

- А вот эта ничего.
- А по-моему, зад полноват.
- Зато пропорции хорошие и грудь большая.

– Да, но ляжки толстоваты и жопа могла бы быть поменьше.

– Да... зато она ею хорошо качает. Брючки белые очень подчёркивают.

Я всё это слушала в полуша, и только когда речь дошла до белых брючек, вдруг, с ужасом поняла, что говорят обо мне любимой. Буквально в двух шагах от меня какие-то парни довольно громко и на чистейшем русском языке оскорбляют мой гордый тухас! (В скобках замечу, если кто не знает, что тухас на идише – задница; в меру упитанный тухас в самом расцвете сил есть наше национальное достоинство.) Они тем временем ещё пару комментариев про мою грудь отпустили: типа, интересно, своя ли.

Вот сейчас, думаю, ещё послушаю, а потом ка-а-ак развернусь да ка-а-ак выскажу им – полетят клочки по закоулочкам. Но пока я собиралась с мыслями, парни внезапно куда-то свернули. У меня не хватило наглости крикнуть им что-нибудь вслед. До сих пор жалею.

Потом веселье закончилось: нас стало много. Народ больше не рискует, тем более что по виду зачастую ничего не определишь. Мне даже жаль иногда: где ещё услышишь то, что обычно говорят у тебя за спиной?

Велик и powerful наш russian язык

Читала я когда-то книгу Жан-Пьера Шаброля под названием «Миллионы, миллионы японцев» – набор живых и остроумных путевых заметок. В начале книги автор рассказывал о некой японке, проведшей большую часть своей жизни в Париже. Мсье Шаброль утверждал, что японский язык эта дама умудрилась забыть, а французский так никогда и не выучила. Смысл её фраз был всем понятен, но звучали они ужасно.

Я не поверила. Не может такого быть. Хоть на одном-то языке человек должен говорить правильно? Что за ерунда? Пожив несколько лет в Америке, я убедилась, что автор не врал. Но давайте по порядку.

Есть у нас знакомая пара, назовём их Алла и Гена. Гена приехал сюда в пятнадцать лет, а Алла в двадцать. Оба хорошо устроены: работают на ответственных и высокооплачиваемых должностях. По-английски, естественно, говорят свободно. Только английский их примитивен, одномерен, лишён красок. Слушать тошно: топорные фразы, ошибки, проблемы с прилагательными и наречиями, сильный акцент. Английский иммигранта, приехавшего сюда лет в тридцать пять, но уж никак не в пятнадцать. А уж русский... Перл на перле и перлом погоняет. Это про них анекдоты сочиняют: «Мы имели очень хороший тайм», «Возьмите двенадцатый

трэйн или берите сто тридцать третий бас» – и прочие шедевры. Какая-то какофония в духе смеси французского с нижегородским. Ни на одном языке эти люди не говорят хорошо. Даже удовлетворительно не говорят. И таких алл и ген – тысячи, спросите любого иммигранта.

Теория, что существует хотя бы один язык, на котором человек должен говорить хорошо, не выдерживает столкновений с жизненными реалиями. Честно говоря, эта проблема мучала меня несколько лет. Как же так? Как это может быть? Как они живут?

Постепенно я осознала, что мы просто по-разному определяем слово «язык», точнее, его роль в нашей жизни. Для Аллы и Гены язык – это способ доехать из пункта А в пункт Б, желательно без остановок и не глаза по сторонам. Нужно что-то выразить? Выразили. Поняли нас? Поняли. Переводчик не нужен? Не нужен. Как в той миниатюре Райкина про плохо сшитый костюм: «К пуговицам претензии есть? Нет». В конце концов, если вам говорят «взять сто тридцать третий бас», вы ведь пойдёте на остановку, дождётесь нужного автобуса и доедете; разве не так? Скажешь американцу: «I slept good», – и он поймёт, что вы спали хорошо. А что не «good», а «well», так кого это волнует? Понятно ведь. Как вполне очевидно любому русскому значение фразы «твоя моя не понимай».

Это Шаброль и ему (нам) подобные мучаются с тонкостями, оттенками и пробуют фразы на язык, с отвращением вы-

плёвывая неудачные. Это мы воспринимаем язык как способ САМОвыражения, а не просто выражения мысли. Это мы хотим доехать из пункта А в пункт Б не как-нибудь, а со всеми удобствами, примечая каждое дерево и собаку по пути. Нам нравится наслаждаться дорогой, поэтому мы вкладываем в понятие «язык» столько эмоций, а в усовершенствование его – столько труда. Если мы не говорим правильно, то мы говорим плохо. Но не для всех слова «неправильно» и «плохо» в применении к языку являются синонимами. Та японка, я уверена, считала, что она прекрасно говорит как по-японски, так и по-французски.

Я отнюдь не пишу всё это с ощущением интеллектуального превосходства. Вот у меня, например, слуха нет. Сыграйте мне что-нибудь на расстроенном инструменте да пропустите пару нот по дороге – я и ухом не поведу. Не дано-с. А у человека с хорошим музыкальным слухом от такого издевательства над мелодией ушки заболят. При этом я с удовольствием слушаю музыку и Баха от Паулса, слава богу, отличаю. Мне закрыт целый мир, но это не значит, что я хуже или глупее музыкально одарённых или что мне не надо слушать музыку. Просто я еду из А в Б как умею – доехать-то надо. По крайней мере очень хочется.

Когда же речь заходит о языке, «лишь бы доехать» мне не просто неинтересно, а вредно для здоровья. У меня сводит скулы от «a why бы и не not», «он меня поюзал» или «we did not come here quick». Я говорю на двух языках. В моём

понимании слова «язык».

Алла, Гена, вышеупомянутая японка и сотни тысяч других людей тоже говорят на двух языках. Просто это другие «языки», даже если те же самые.

Что в имени тебе моём?

Уже и не помню, кто рассказал мне эту историю. Поженились двое молодых американцев. Вскоре муж обратил внимание на интересную деталь: перед тем как засунуть кусок мяса в духовку, жена всегда отрезает у него попку, причём с обоих концов. И только в обрезанном виде запекает. Муж поинтересовался: зачем отрезать два вполне нормальных куска мяса? Жена ответила, что это их семейный рецепт; так всегда готовила мясо её мама и мама её мамы, так и её научили. На вопрос, какие вкусовые качества добавляет мясу отрезание обоих концов, жена ответить не смогла. Обещала спросить у матери. Как ни странно, мать рассказала ту же историю: это семейный рецепт, так ещё её бабушка готовила. От бабушки молодая жена тоже ничего не добилась. Тут уже всем стало интересно: откуда рецепт-то пошёл? К счастью, была жива прабабушка. Спросили у неё. «Да это никакой не рецепт, – удивилась прабабушка. – Просто когда я молодая была, у нас духовка была маленькая и противень крошечный. Мясо целиком не помещалось, вот мы его и обрезали с обеих сторон».

Меня называли в честь прабабушки Сарры. Естественно, чтобы в семидесятые годы в Москве назвать девочку Саррой, её надо было очень сильно не любить. Мои же родители меня любили и потому последовали принципу первой буквы.

Как, вы не знаете? Евреи так следуют принципу первой буквы: Юська превращается в Юру, Шмуль в Шурика, а Ривка в Раю.

Софа была уже занята одной из тётъ, так что оставалась Света. Надо сказать, что исконно славянских имён в русском языке не так уж много. Света – одно из них. К тому же оно ассоциируется со словом «светлый», а имя – с блондинкой. Мама, правда, уверяла, что имела в виду второе значение слова «свет» и надеялась, что я буду ей лучом в тёмном царстве, но про это значение все почему-то упорно забывали. Света должна быть светлой, как экономика – экономной. Не поймите неправильно, я никогда своё имя не ненавидела, просто не очень себя с ним отождествляла. Не пришей кобыле хвост имечко-то к моей еврейской физиономии под брюнетной шевелюрой.

Когда мы приехали в Америку, мне упорно предлагали стать Ланой. Светой тут быть неудобно: с v после s у них проблемы. То произнесут как Sweeta (это ещё куда ни шло, буду сладкой), а то как Sweat (для непосвящённых: sweat – пот). Потной быть почему-то не хотелось. Может, поэтому большинство Свет в США плавно переименовываются в Ланы. Ланой я себя ощущала ещё меньше, чем Светой, и решила вернуть себе имя, которое было бы моим с самого начала, не живи мы в Советском Союзе, со всеми вытекающими последствиями. Теперь я Сара, Sara. Официально. И имя своё обожаю, хотя по-русски меня по-прежнему называют Све-

той.

Про еврейский обычай называть детей в честь умерших родственников мы все хорошо знаем. В бывшем СССР обычай частенько приходилось подлаживать под реальность, отсюда и правило первой буквы. Часто результат, кроме первой буквы, ничего общего с оригиналом не имел: Броха – Белла, Исаак – Игорь, Самуил – Сергей, Абрам/Арон – Анатолий. Странное это правило, не имеющее, насколько я знаю, корней в еврейских законах и традициях, прижилось и путешествует по странам и континентам вместе с эмигрантами из бывшего СССР.

Моя двоюродная сестра назвала дочь Брианной в честь нашей бабушки Баси. Мало того что имя нееврейское, так ещё и с Басей ничего общего не имеет, кроме злосчастной первой буквы. Дед Лёня, сам названный в честь Лейба, получил посмертно правнука Ларри – Лоуренс полностью. Лоуренс!

Из-за моего сына Арика мы с папой чуть не поругались. Деда звали Юрой, и мне казалось, что имя Ари очень даже подойдёт – звучит похоже, имя еврейское... Ан нет – первая буква не та. С Басей-Брианной и Лейбом-Лоуренсом у него проблем не было, а с Юрием-Ари были. Вся родня на уши встала. Я не буду вам рассказывать, куда я их послала, только сына моего зовут Ари. В честь дедушки Юры, потому как называть сына Uri в Америке вне ультраортодоксальной еврейской общины – это как дочку Саррой в Москве в семидесятых. А я своих детей люблю.

В Америке очень многие библейские имена популярны среди неевреев. Сара – прекрасный пример, как и Рэчел, и Лея, и Айзек, и Арон. Хорошо, если есть желание и возможности следовать традиции и называть детей так, как *на самом деле* звали их предков. При необходимости имена можно слегка видоизменять. Можно просто выбирать понравившиеся имена, если ничего из семейных архивов не подходит. Но правило первой буквы по принципу «лишь бы» себя изжило. Как привычка обрезать кусок мяса перед запеканием.

На каблуках

Я вам не скажу за всю Одессу, точнее, я вам за Одессу вообще не скажу – я была там девятнадцать лет назад, и то буквально пару дней. Но меня впечатлил рассказ одного одесита, к которому приехал из Америки друг. Вернувшийся в родной город экспатриант потратил большую часть прогулки по городу на поиски оправдания своей эмиграции. Здесь у вас не то. Тут у вас вообще кошмар. Неужели у вас этого ещё нет? Что, и ручки спёрли? Вот видишь... А ты в Тайланде был? Во! А я был. Товарищ не переставал меряться пиписьками с теми, кто остались, вольно или невольно самоутверждаясь за счёт старых друзей и вынюхивая, где ещё что-нибудь изменилось в худшую сторону. Возможно, что человек он неплохой и делал это не специально: все мы – так или иначе – хотим доказать себе и другим, что уж мы-то поступили правильно в своё время, вне зависимости от того, как мы тогда поступили.

Я сразу вспомнила одного своего знакомого (назовём его Сашей). Семья их долгое время была в отказе и от советской власти натерпелась с лихвой. К тому времени, как их выпустили, эмиграционные шлюзы уже открылись, в Вену и Рим повалили толпы, и отличать старых диссидентов от новых «колбасников» у иммиграционных чиновников не было ни сил, ни желания, поэтому в Италии семья тоже намыка-

лась. Вместо ожидаемого ковра у самолёта им пришлось долго доказывать каким-то бюрократам, что они действительно диссиденты, а не примазавшиеся. Сашина семья просидела в Италии долго и наунижались вдосталь. Да и в Америке сначала пришлось туго. Потом вроде всё уладилось; знакомый мой нашёл хорошую работу, вызвал к себе жену; дела потихоньку пошли в американскую гору.

Как-то болтали мы о том о сём, и я спросила, что он делает первым делом, когда заработает побольше денег.

– Поеду в Италию, а потом в Россию, – не задумываясь, сказал он.

– Почему? – удивилась я. – Ты ж только что там был. Посмотри страну, которую ещё не видел.

– Э нет, – улыбнулся он. – Я хочу поехать туда с кучей денег и пройти на каблуках там, где проползал на коленях.

Тот диалог произошёл лет 15 назад, а я до сих пор помню эту фразу. «Пройти на каблуках там, где проползал на коленях». Он лучше всех выразил то, что боялись либо не хотели говорить многие из моих знакомых иммигрантов. Я лично знаю несколько человек, которые специально ездили в Россию в начале девяностых, когда их американские доллары ещё стоили очень много и на американскую зарплату можно было полрынка скупить, если не весь. Там они гордо доставали пачки денег, водили друзей и родственников в лучшие рестораны и всячески демонстрировали своё финансовое благополучие. Особым шиком было съездить на бывшую роди-

ну после какого-нибудь очередного дефолта и, сокрушённо покачивая головой, пожаловаться на огромные деньги, которые съедает постройка нового крыла в доме или регулярная чистка бассейна. Короче, пройдемся на каблуках, а то и на платформах.

Я до сих пор не понимаю: чем хвастаются-то? американской экономикой? То, что я, будучи весьма посредственным программистом, могу заработать шесть-семь тысяч в месяц, заслуга не моя. Столько тут платят. Медицину я забросила, не дотянув полгода до диссера. Книгу уже пять лет пишу. Да и вообще, потенциал был ого-го, а реализовалось из него – тьфу. Представляю себе, как встречаюсь с теми, кто создал и поднял в нелёгких российских условиях свой бизнес, защитил докторскую, издал книгу или запатентовал изобретение, но в связи с экономическими реалиями всё ещё живет в небольших квартирах. И тут я начну им хвастаться поездками на Гавайи и спортзалом на первом этаже. Это называется «пройтись на каблуках»? У колосса – глиняные ноги. Американская экономика не моя заслуга. И туфли на этих каблуках мне жмут. Сразу вспоминается анекдот про Наполеона: «Вы не выше, вы – длиннее».

Знаете, на высоких каблуках хорошо ходить, когда все вокруг высокие или тоже на каблуках. Иначе спина заболит наклоняться. А те, кто получает удовольствие от хождения на каблуках там, где вокруг ползают... да фиг с ними, неинтересны мне они.

Баловство в Америке II

Моя мама пошла в один из бостонских русских книжных магазинов покупать подарок внуку. Народу в магазине почти не было: ещё одна женщина, тоже явно искавшая какую-то детскую книжку, и всё. Ряды там узкие, вдвоём не разойдёшься. Каждый раз, проходя мимо женщины, мама разворачивалась и бочком проталкивалась к следующему ряду. Вторая дама тесниться не собиралась и даже бровью не вела. Впрочем, ей и не надо было: мама её не задевала, разве что край одежды пару раз.

После того как мама протиснулась мимо женщины в третий раз (никак не могла нужную книжку найти), та вдруг развернулась и грубо, громогласно взвизгнула:

– Вам что, места мало?

Будучи от природы женщиной интеллигентной, мама только и смогла спросить:

– Простите, разве я вам мешаю?

– Перестаньте толкаться, что вы ходите туда-сюда? – продолжала наезжать дама.

И вдруг до мамы дошло.

– А вы ведь недавно здесь, да?

– А вы что, давно? – опешила женщина.

– Достаточно давно, чтобы отвыкнуть от такого хамства, – сказала мама, продолжая искать нужную книгу.

Рассказала мама нам эту историю за столом, во время празднования дня рождения внука. Гости смеялись: «Здорово ты её срезала, как только это в голову пришло?» Мама задумалась.

– Знаете, у меня первые несколько секунд был шок.

А потом я вдруг поняла: я отвыкла, просто отвыкла. Я не помню, когда мне в последний раз хамили. Я уже разбаловалась тут.

Киса, ты с какова города, или Размышления небезродной космополитки

В самолёте сижу рядом с девушкой лет на десять младше меня. Она читает Коэльо. На английском. Я – Мураками. На английском.

Смотрим на книжки друг друга, улыбаемся. Начинаем обсуждать мировую литературу, потом переходим к погоде в Бостоне и Вашингтоне и ругаем этот треклятый задержавшийся рейс. Всё это – по-английски.

Когда самолёт приземляется, мы обе достаём мобильники, звоним мамам и на прекрасном русском языке сообщаем, что самолёт приземлился и всё хорошо, нас просто задержали на взлётной полосе.

Опять улыбаемся друг другу, продолжая разговаривать по-английски.

Прощаемся. Желаем друг другу всего хорошего. Расходимся.

И только в такси до меня доходит, чем был необычен этот разговор. Нет, не тем, что по-английски, – ей так явно проще, а мне всё равно. Тем, что никто из нас ни разу не упомянул место нашего рождения и не спросил, сколько мы тут живём. Эмиграция не фигурировала в этой беседе никак.

И слава богу.

Какой русский не любит small talk?! Придёшь, бывало, на party, возьмёшь в руки коктейльчик, пристроишься к живописной группке какой-нибудь, обсудишь цены на дома, потом перейдёшь к другой не менее симпатичной группе, поговоришь о погоде и марках машин, затем с каким-нибудь умным дядей в углу перемоешь кости внешней политике президента, а с менее умной тётей в другом углу побалакаешь о проблемах воспитания детей. И уйдёшь домой глубоко удовлетворённой уровнем дискуссии на вечеринке.

Что, нет – не нравится?

Как же, мы мало что так ругаем, как этот разнесчастный small talk, – раздражает он нас. Потому и на вечеринки американские не так часто ходим. Ох и тупые они, эти американцы. Поговорить с ними не о чём. Ну вы знаете, слышали. То ли дело наши беседы на кухне! Здесь, в эмиграции, они частенько перемещаются из кухни в гостиную, но суть-то остаётся. Например, знакомимся мы в гостях с новым другом-иммигрантом и вступаем в следующую глубокомысленную дискуссию:

– Вы тут давно?

– Четырнадцать лет.

– А мы шестнадцать уже. В ноябре было (*ценная информация, чёрт подери!*).

– Из какого города?

– Из Одессы/Кишинёва/Баку.

– Серьёзно? Мы тоже из Питера/Минска/Бендер!

– Ой, а где вы в Москве/Жмеринке/Киеве жили?

– Да на «Щёлковской».

– А, ну да... А мы на «Савёловской» (*я там пятнадцать лет не была, название помню, а где эта «Савёловская» и с чем её едят, убей меня...*). Кстати, у меня там рядом с вами брат/сват/троюродный племянник жил (*я счастлива!*).

– Как его звали?

– Да нет, вы всё равно не знаете, он вас на пятнадцать лет старше.

– А...

– А кем вы работаете?

– Программирую (*начинается...*)

– Да уж, господа юнкера, кем вы были вчера, а сегодня вы все программисты (*подмигивает*).

– А вы?

– Да тоже программирую...

Дальше продолжать? Если это не small talk, то что это тогда? Для людей постарше поиск земляков имеет смысл, но если человек из другого города, то эта информация скорее всего бесполезна. А для того, кто приехал сюда в юном возрасте и уже гораздо больше бостонец или вашингтонец, чем москвич или харьковчанин, вся эта бодяга имеет куда меньшую ценность, чем обсуждение марок машин и цен на дома.

Я написала в своём блоге маленькую заметку о диалоге с девушкой в самолёте и была поражена реакции читателей. Мы поставили крест на русской культуре. Мы оторвы без роду-племени. Из-за нас русский язык в зарубежье глохнет. Растление молодёжи. Упадок нравов. Конец света.

Удивительно, но что так задело людей? Наше взаимное нежелание вести идиотскую беседу из серии «здравствуй, иммигрант»?

– О! Вы говорите по-русски?

– Да (*сиятельная улыбка*).

– А сколько вы уже здесь лет?

Ну и т. п., смотри выше. Нежелание затевать бессмысленный, поверхностный разговор на избитую тему не имеет никакого отношения к принятию или непринятию своих корней или русской культуры. И уж тем более никто не избегал этих тем специально, из принципа. Со мной такое вообще случилось в первый раз. Обычно узнав, что собеседник или собеседница говорит по-русски, я тут же перехожу на русский язык. Но девушке явно легче было говорить по-английски. С мамой она разговаривала чуть медленнее, с лёгким акцентом, было очевидно, что её привезли сюда в подростковом возрасте.

Мне всё равно, на каком языке говорить. Почему я должна была переходить на русский? Почему я должна была как-то словесно признать тот факт, что мы русскоязычные? Это и так было очевидно для обеих. Мы поговорили о Мурака-

ми. А также о Бостоне. Когда встречаешь земляка, хочется поговорить о родном городе. Мы землячки, из одного города. Вот про родной город и говорили. Плюс мелочи всякие – задержка рейса, плохая погода... Надо ж всё-таки и small talk ввернуть в разговор, а то не по-американски как-то. Широкий белозубый смайлик. Где и в какой момент мы должны были прервать дискуссию и начать обсуждать тот факт, что мы родились и частично выросли в России? Вы думаете, мы мало это по жизни обсуждали? Не наобсуждались ещё?

Двуязычие, наслаивание культурных пластов, российский менталитет в контексте американской действительности, творчество Чехова и бог-знает-что-ещё я готова обсуждать с кем угодно, с удовольствием. Я от своих корней и от своего первого родного языка не отказываюсь. Я отказываюсь жевать жвачку одинакового, шаблонного, набившего оскомину иммигрантского small talk. Тот факт, что в данном случае мне не пришлось к нему прибегнуть, чертовски меня радует.

Если объяснение, приведённое выше, вас не удовлетворило, расслабьтесь. За судьбу русской культуры в Америке волноваться не стоит. Если говорить совсем уж честно, то мы действительно оторвы. Иммигранты, приехавшие в Америку по статусу беженца до девяносто второго – девяносто пятого годов, разительно отличаются от тех, кто попал в страну по студенческим или рабочим визам после этого. Часто обстоятельства вынуждают их покинуть родину, работать за

границей, даже принимать гражданство другой страны и растить там детей, но дома остаются родители, братья и сёстры, друзья и квартиры, даже бизнесы и собаки. Эти люди почти никогда не перестают надеяться, что в России настанут лучшие времена и они смогут вернуться. Или их дети. Поэтому они учат детей русскому языку с религиозным упорством, организуют русские школы, где преподают отпрыскам историю и географию России, собираются вместе, чтобы обсудить российские новости и дать возможность детям пообщаться на родном языке и т. д., и т. п. Они могут любить или не любить государственную систему, правительство, царя, президента, генерального секретаря, но Россия – их страна. Помните все эти разговоры о первой (послереволюционной) волне русский эмиграции, о том, как они удивительно сохранили русский язык? Знаете почему? Они надеялись вернуться.

Недавно на детской площадке я разговорилась с одной женщиной. Она всё повторяла, как она рада, что у её сына есть возможность выбирать страну. Он родился в Америке и может жить где хочет. Тем не менее она очень надеется, что дела в России выправятся и он сможет выбрать страну своих предков. Их семья переехала сюда после дефолта, потеряв средства к существованию. А тут, в Америке... Она начала перечислять мне всякие мелкие и не очень мелкие недостатки этой страны, какие-то неприятные встречи с отдельными американцами и в итоге сказала, что в Питере сейчас совсем

не хуже. Не поспоришь. Может быть, ей в Питере даже лучше. Америка не доллар, чтобы всем нравиться.

Я общаюсь с «недавними» русскими в Америке и почти физически чувствую некие невидимые нити, связывающие их с Родиной. Они постоянно ездят домой, если финансы и визы позволяют, они отправляют детей к бабушкам-дедушкам на лето, а их дети говорят по-русски куда лучше наших. Появись у них возможность жить в России так, как они живут здесь, – рванули бы не глядя.

А мы? А что мы? Нас выпихнули из страны, отобрав гражданство и основательно помурывив. Мы сожгли мосты.

Со мной раньше работала некая Наташа, приехавшая в США в семидесятые годы. Её с мужем турнули из страны за диссидентство. Интеллигентная русская православная женщина, она говорила на великолепном, литературном русском языке, читала русские книги и ходила в Бостонскую русскую православную церковь, но в России не была тридцать лет и ехать туда не собиралась. Несколько лет назад у неё в Москве умерли родители, но она не поехала даже на их похороны. Видеть страну, в которой её прогнали через десять кругов ада и из которой выкинули, отобрав гражданство, она не могла. И отделить СССР как государство от России как страны не могла тоже; живы были ещё люди, которые издевались над ней в КГБ и ОВИРе, слишком больно ей было об этом вспоминать, а беречь память она не хотела. При этом попробовали бы вы обвинить её в незнании или нелюбви к русской

культуре. Она вам десять очков вперёд даст в любом обсуждении. Это у меня через семнадцать лет жизни в США речь пересыпана американизмами и кальками с английского, а у неё и через тридцать лет такой русский язык, на котором, наверное, Набоков говаривал.

Наташин случай довольно редкий. Большинство иммигрантов, приехавших сюда до девяносто второго года, – евреи. Во мне, например, нет ничего русского, кроме языка и обрывочных воспоминаний.

Историческая справка. По маминой линии я представляю собой второе поколение нашей семьи, у которого родной язык русский, по папиной – первое. Все мои бабушки и дедушки, не говоря уж о прабабушках и прадедушках, говорили между собой на идише. Папины родители по-русски говорили откровенно плохо, а читали и того хуже. Папа мой до конца жизни с сестрой предпочитал говорить на идише; вторым его языком был украинский, а русский – третьим.

Мне почему-то очень любят указывать на то, что я пишу по-русски. Ну да, это мой родной язык. Я родилась и выросла в Москве, со мной на этом языке разговаривала мама, меня на нём учили, никакого другого языка я в первые двадцать лет своей жизни не знала. Русский язык – не лучше и не хуже, чем любой другой, он просто мой по праву рождения. Тем не менее я бы очень хотела, чтобы мои дети могли на нём говорить. Исследования показали, что дети, говорящие

с детства на двух языках, обладают более высоким IQ и схватывают многие вещи быстрее, чем те, кто говорил только на одном. И потом, не пропадать же товару: родители говорят на некоем языке и имеют возможность бесплатно научить ему детей. Это может пригодиться в жизни, это целый пласт литературы, это возможная карьера, да мало ли что. При этом мои дети – американцы, женятся скорее всего на американках, внуки мои по-русски говорить скорее всего не будут. На каком языке будут говорить внуки моих внуков, одному богу известно. Может, на иврите. Может, на испанском. Лишь бы хорошо говорили, грамотно. Язык – средство коммуникации. Я не вижу тут никаких аспектов сентиментальности, если хотите.

То же и с Родиной. Последние пять-шесть поколений моих предков жили в Польше, Литве, Германии, Украине, России... Теперь мы живём в Америке. Родина – это там, где хорошо мне и моим детям. В широком понимании слова «хорошо».

Честно говоря, с теми, кто приехал сюда давно, мы эти темы особо не обсуждаем. У многих из них дети говорят по-русски откровенно плохо – я гораздо упорнее в попытках сохранения русского языка, чем большинство моих знакомых иммигрантов. В России мы с момента переезда были от силы пару раз, недельку-другую. У нас все или почти все родственники давно тут или в Израиле, в Германии или в Австралии.

Вокруг полно исключений: этнических русских, приехавших в девяносто восьмом, которым плевать на Россию; евреев, приехавших в восемьдесят восьмом, которые скучают по берёзкам, ругают Америку и помешаны на том, чтобы их дети умели говорить по-русски. Мало ли что бывает. Но если смотреть не на отдельных людей, а на группы, то картина вырисовывается чёткая. Есть два мира, совершенно разных. И не надо судить один по меркам другого. То, что две американские еврейки в самолёте предпочли говорить по-английски, не есть угроза русской культуре. Даже иммигрантской русской культуре.

Умиляют меня те, кто считает, что русский язык и культура неотделимы от России как страны. «Язык» и «культура» – понятия нефизические; отделять или не отделять их от чего-то – это вам не атом расщеплять. Разделения и соединения происходят в наших головах и в наших душах. Я отнюдь не эксперт в делах российских, но если есть одна область, в которой я эксперт, причём самый-рассамый экспертный эксперт в мире, так это в том, что происходит в моей собственной голове.

Поклонники философии Канта, на первый-второй расчитайсь!

– Первый.

Мир субъективен. То, что мы видим, есть лишь наше восприятие этого мира. Я не спорю ни с кем, кто уверяет, что

для него Россия неотделима от всего русского, и наоборот. Для него неотделимо, что тут спорить. Неприятно мне лишь, когда кто-то начинает говорить, что неотделимость эта – общая, объективная, как дважды два четыре. Это же не математическая формула, это наше видение мира! Оно необъективно по определению. Позвольте вам заметить, что русский язык и русская культура от России отделяются прекрасно. Они это успешно делают каждый божий день в моей голове, в голове Наташи и ещё сотен тысяч таких же, как мы.

Как пел Гребенщиков, «чтобы стоять, я должен держаться корней». Только корни тоже у всех разные. Возможно, ваш корень напоминает морковку: всё в одной «упаковке», т. е. одна страна, один язык, одна культура. Я ничего не имею против морковки, она вкусная и полезная, и метафора эта – положительная. Мои же корни скорее напоминают корневую систему дуба: один корень в стране, где я родилась и выросла, на языке которой говорю, другой – в стране, где я живу, которую очень люблю и на языке которой тоже говорю и пишу, а ещё один корешок пророс в страну моих предков, с которой какая-то особенная генетическая связь и в которой у меня много друзей и родственников. Стоя на этих обвивших весь мир корнях, я очень стабильно себя чувствую. Крепко так стою, хорошо.

Но с завидной периодичностью появляются люди, объясняющие мне, что Россию я любить обязана, потому что она дала мне «а», «б» и «в», что Израиль любить я не могу, по-

тому что я там была две недели в своей жизни и не говорю на языке страны, что Америку я любить, конечно, могу, но не должна, потому что она «а», «б» и «в», и вообще скорее всего не люблю, а просто наслаждаюсь американским уровнем жизни, и что корни мои растут не туда и не оттуда. То есть фактически люди объявляют себя экспертами того, что творится в моей голове. Они лучше знают. Может, всё-таки стоит говорить «*мне* здесь нравится/не нравится», «для *меня* язык не отделим от страны» и т. п., а не проецировать своё видение мира на других и не навязывать дубу морковный менталитет? Может, стоит признать моё право отделять то, что отделяется, соединять то, что соединяется, любить то, что любит, чувствовать себя дома там, где хочется, и говорить на тех языках, на которых я хочу говорить?

Мы космополиты. Только не называйте нас безродными. Мы на своих корнях очень крепко стоим. У нас просто корни другие.

Иммигрантско-обескураженное

Подвизалась я как-то написать статью о поисках секса через Интернет. В частности, мне нужно было проинтервьюировать довольно много свингующих пар. Некоторые из них были русскоязычными и предпочитали свинговать исключительно с другими русскоязычными парами. Как вы понимаете, секс тут вообще ни при чём – большинство иммигрантов предпочитают общаться с друзьями-иммигрантами. Проблема сия стара как мир, но взгляды свингеров меня, честно говоря, поразили. С американцами они уже и трахаться не хотят – поговорить с ними, уверяют, не о чем. Я себе представляю эти глубокие диалоги после групповухи.

Когда я слышу нечто подобное от тех, кто эмигрировал после сорока, да пусть даже после тридцати пяти, я не слишком удивляюсь: личность уже сформирована, да и язык родным никогда не станет. Но когда нечто подобное говорят те, кто эмигрировал и в 20—25, а то и раньше, у меня волосы дыбом встают. Причины чаще всего приводят две – разница интеллектов и разница менталитетов.

Начнём с интеллекта, точнее с интеллектуального снобизма. Многие русскоязычные иммигранты являются... нет, не интеллектуальной элитой, конечно, но образованными людьми, любящими классическую музыку и джаз, читающими литературу всех стран мира, интересующимися разными

дисциплинами – от философии до политологии, да просто любящими говорить на серьёзные темы, а не болтать о пустяках. Какой-нибудь кандидат наук из Москвы заявляется на среднеамериканскую вечеринку и приходит в ужас от уровня диалога. Но ведь что интересно: там, в России (на Украине, в Азербайджане – неважно), мы абы с кем не общались, а подбирали друзей долго и тщательно, формируя свой круг по уровню духовной близости и по интересам. К тому же там наш социальный статус был чаще всего выше, чем в эмиграции. В Питере исключительно профессора да поэты за стол садились, а тут с начальником цеха обработки чего-нибудь общаться приходится.

Думаю, что не открою вам Америку, если скажу, что процент интеллигенции в большинстве развитых стран примерно одинаков. Среди моих американских друзей есть много таких, перед которыми я не чувствую никакого интеллектуального превосходства, скорее наоборот. Докторов наук, играющих Бетховена на домашних концертах в свободное от работы время и коллекционирующих предметы культуры инков, здесь хватает, как и людей, объездивших весь свет и говорящих на куче языков.

Я когда-то читала эссе некой дамы, профессора МГУ, которую пригласили читать лекции на пару семестров в университет New Mexico. Она аж слюной брызгала по поводу своих тёмных соседей, жарящих сосиски на барбекю. Почему бы ей не поехать в Рязань и не пообщаться с первыми по-

павшимися соседями по дому? Откуда эта странная привычка сравнивать столичную интеллектуальную элиту там с абы кем здесь? Поверьте, местные сливки общества по большей части не снобы и с иммигрантами общаются с удовольствием (напомню, что речь идёт о тех, кто приехал сюда в молодости, здесь учился и для кого английский – второй родной язык). Их просто надо найти. Вы любите французскую культуру? В любом крупном городе есть общество франкофилов; пойдите туда, познакомьтесь с людьми, поговорите с ними и перестаньте ныть, что тут никто не слышал о Бреле и Брасансе. Вы любите классическую музыку? После концертов камерной музыки зачастую устраиваются маленькие фуршеты, где зрители и музыканты общаются, знакомятся, разговаривают. То же самое происходит в хороших джаз-клубах. Я вам больше скажу: публика на подобных фуршетах нередко пересекается с публикой из общества франко/германо/еврофилов или с посетителями театральных премьер и интересных выставок. Пересечётесь пару раз – авось подружитесь. Так что «интеллектуальный» аргумент я не принимаю.

Гораздо более часто приводимая причина – разница менталитетов. Разница, безусловно, присутствует, но нежелание её преодолеть есть интеллектуальная и духовная лень со стороны иммигрантов. Никто не призывает вас дружить с пресловутыми соседями, жарящими сосиски, или с первыми попавшимися сотрудниками на работе. В свой круг общения надо набирать тех, кто вам по-человечески симпатичен и ин-

теллектуально близок. Да, американцы немного другие: иная страна, иная культура, смотрели не те мультики, играли не в той песочнице, в очереди за хлебом не стояли. Так что, всю жизнь вариться в собственном соку по этой причине? Говорить цитатами из «Мастера и Маргариты» или «Белого солнца пустыни» можно со своими русскоязычными друзьями, а с американцами (или с иммигрантами из других стран) будем обсуждать... да что угодно, всё, кроме этого. Детей, политику, культуру, последнюю диету, надоевшую свекровь или тещу, арабский терроризм, погоду, разницу между американским и европейским театром и проблемы собаководства. Для этого надо чуть-чуть, самую малость вылезти из зоны комфорта, попробовать поймать чужую волну, принять как должное изначальную разницу в восприятии вещей.

На это мне говорят: я тяжело работаю, и когда я встречаюсь с друзьями, я хочу отдыхать, а не объяснять каждый анекдот, выстраивая контекст. Что тут скажешь? Если хочется вечно плыть по течению и расслабляться – пожалуйста. Про себя могу сказать, что затраченные усилия, как правило, воздаются сторицей: я приобретаю новых интересных друзей и знакомых. Тот факт, что они смотрят на мир слегка другими глазами, я воспринимаю как плюс, а не как минус. Со временем на это вообще перестаёшь обращать внимание. Я двуязычна не только с техничеcки-лингвистической точки зрения, я двуязычна интеллектуально и духовно. Могу общаться по-русски с русскими, а могу по-английски с американ-

цами. Чувствую себя как рыба в воде и с теми, и с другими *при условии, что это близкие мне по духу и уровню интеллектуального развития люди.* Я приехала сюда не ребёнком (мне было почти 20 лет), и всё это потребовало нескольких лет усилий. Но чёрт побери, оно стоило того! Я встретила тут удивительных людей, дружбой с которыми горжусь.

Есть два типа иммигрантов: те, для кого опыт проживания в другой стране добавляет некое измерение в их мироощущение, позволяет быть немного там, немного тут, обогащает восприятие мира, и те, кто навеки остаётся пленником своего прошлого, для кого инородные корни – скорее ограничитель. Иммигрант-плюс и иммигрант-минус. Если человек не научился общаться с теми, кто родился в этой стране, и получать при этом удовольствие, если его знание английского/немецкого/иврита, каким бы хорошим оно ни было, остаётся чисто техническим, а менталитет тех, кто на нём говорит, – абсолютно чужим, то это иммигрант-минус. Мне не надо повторять, что речь идёт о тех, кто иммигрировал в молодости, и что речь *не* идёт об общении с кем попало, правда?

Забавно: мне легче представить себя на месте свингеров, чем понять дискриминацию потенциальных любовников по принципу «русский – американец». Понятно, что если с человеком не о чем разговаривать, то оставь надежду всяк сюда входящий, но если есть о чём, то какая разница, на каком языке это делать?

Баловство в Америке III

Мы поехали смотреть национальный парк Yellowstone. Гейзеры там, уверяли нас, похлеще камчатских. Прилетели вечером, взяли в аренду симпатичную новенькую машину, а на страховку денег пожалели. У нас платиновая кредитная карточка, вроде должна всё покрывать. Пока ехали, стемнело. Шоссе узкое, повороты крутые, а ехали мы слишком быстро: на поворотах фары не успевали высвечивать дорогу впереди. И вдруг – *бизон*. Вырос как из-под земли, в последний момент. Впрочем, он-то там, может, и давно стоял, это мы его в последний момент увидели. Муж едва успел слегка притормозить, и на тридцати милях (45 км) в час вписался в бизона.

Я открыла глаза и увидела лобовое стекло, разбитое в мельчайшую крошку и держащееся только за счёт внешней плёнки, в двух сантиметрах от своих глаз. Ещё чуть-чуть, и всё это стекло было бы у меня в голове. А так вроде живы-здоровы, только синяки от ремней на теле. Бизон, покачиваясь, ушёл в лес – и не спрашивайте, сама удивляюсь. Машина разбита в лепёшку, вокруг лес и темнота, а мы у чёрта на рогах, довольно далеко от цивилизации. Вышли мы из машины и начали пытаться сообразить, что же делать. По счастью, мимо проезжала машина. Она остановилась, оттуда вышли люди, проверили, живы ли мы, и попросили нас за-

лезть обратно в машину. Там вокруг, оказывается, медведи ходят. Мы сели и начали ждать, а они обещали позвонить в полицию.

Мой муж находился в стрессовом, мягко говоря, состоянии. Ему было явно не по себе. А я почему-то была спокойна. «Да не волнуйся ты, – сказала. И неожиданно для себя добавила: – Мы в Америке». Муж несколько странно на меня посмотрел, но ничего не сказал. Я известная всему миру пофигистка, что с меня взять?

Полиция приехала через пятнадцать минут и тут же вызвала тягач по рации. Нашу развалюху куда-то отогнали, а нас посадили в полицейскую машину и отвезли в ближайший город. Там нас устроили в гостиницу до утра. Утром мы быстренько заполнили пару бумажек, взяли другую машину и поехали обратно в парк. Ещё до отъезда мы позвонили в банк, выдавший кредитную карточку. Всё хорошо, сказали нам, не волнуйтесь, у вас не будет никаких проблем, наша страховка покрывает стоимость машины. В итоге мы не потеряли ни времени, ни денег, только спать пришлось в другом месте.

По дороге в парк я думала о том, как легко и быстро мы выпутались из весьма малоприятной ситуации. И вдруг поняла, что тётя-то была права. Мне только потребовалось несколько лет, чтобы понять это. Чтобы окончательно разбаловаться.

Путешествие из Вашингтона в Москву, или Семнадцать лет спустя

В Москву я летела во смирении. Настрой такой был – смиренный. Там все курят, там воняет мочой в подъездах, там сумасшедшие водители, там заставляют платить за пластиковые пакетики в магазинах и не извиняются, наступив на ногу в метро. Так говорили все друзья и родственники, побывавшие в России в последние годы. Те же люди, съездив в Бразилию, Испанию или Индию, вспоминали не пробки в городе или почём там у них «Хонда» и «Вольво», а исторические памятники, интересные особенности национального характера и природные красоты. Если что не нравилось, об этом говорили спокойно, и тут же опять переходили на водопады и соборы. Никому не приходило в голову примерять Чили или Вьетнам на себя.

Мы ездим по миру как туристы, фокусируясь на Тадж-Махале или развалинах храмов инков. Для того чтобы понять, что в Бомбее мы бы жить не хотели, не надо переться в Индию. Коренные американцы от России балдеют, в чём я в очередной раз убедилась в этой поездке, поболтав с ними в аэропортах и музеях. Ах, Дворцовая площадь, Кремль, Киж, Углич, Оружейная палата, Эрмитаж! Это ж какая красота, какое культурное наследие! На улицах чисто, в ресторанах кормят вкусно и разнообразно, гиды хорошо говорят по-

английски, а уж какие шали и янтарные украшения можно закупить теще и кузинам на Рождество!

И только эмигрантам не до гения Растрелли и монументальности неповторимого московского метро. Мы всё это видели. Мы поглощены сравнениями и примеряем их жизни на себя. Сознательно или подсознательно, мы всё время доказываем себе и другим, что правильно сделали, что уехали, что даже те из наших друзей, у которых сейчас всё хорошо, вынуждены мириться с... далее по списку. Судьба нищих в Калькутте волнует нас как прошлогодний снег, а вот трудности пенсионеров в России режут по живому, даже если ни одного родственника в пятом колене на бывшей родине уже двадцать лет как не осталось. Теоретически на месте полугодных пенсионерок могли оказаться наши мамы и бабушки. Русскоязычные американцы в России – как русские в Америке, от которых не услышишь об уникальности Вашингтона или о бешеном синкопированном пульсе Нью-Йорка, о природе Калифорнии или о вежливости тех же самых водителей, зато слушаешься про жиртресов на улицах, картонные помидоры в магазинах, фальшивые улыбки и «деревню», в которой всё засыпает в восемь вечера. Если честно, мне до коликов надоели и те и другие. А у нас в квартире газ, а у вас? А у вас негров линчуют. А у нас сегодня Мурка родила смешных котят. Ага, и всех до одного вы утопили. У вас бабы на баб не похожи. Зато мы делаем ракеты и покорили Енисей. Видели мы ваши ракеты в состоянии полураспада. У вас Буш

– козёл. Да вы на Вовочку своего посмотрите, тоже мне – луч света в тёмном царстве! И такая дребедень целый день...

Я решила для себя, что поеду в Россию туристкой. В правильности своего выбора (эмигрировать) я была уверена ещё до того, как ступила ногой в аэропорт, и с тех пор ни на долю секунды в этом не усомнилась. Я люблю свою страну, я считаю себя американкой, мне не интересно сравнивать, кому где лучше жить, а цены на квартиры в Новых Черёмушках волнуют меня не больше, чем цены на квартиры в Каракао. К тому же в Москве я не была семнадцать лет, и больше всего мне хотелось посмотреть на архитектуру, окунуться в культуру, погулять по улочкам, покататься на катере, посидеть в ресторанчиках, побродить по музеям и встретиться друзьями детства и однокашниками.

Мой американский друг недавно вернулся в город своего детства в Вирджинии и написал огромное эссе на тему того, как изменился его городок за тридцать лет, как интересно было повидаться с повзрослевшими и много пережившими за это время одноклассниками и как почти ничего, что он помнил, не сохранилось в первоизданном виде. Всё меняется – города, люди, здания, виды транспорта, названия на вывесках, образ жизни. Улицы перестраиваются, дома разрушаются, деревья сгорают, а женщины стареют. Происходит это везде, и попробуй вернуться куда-то через двадцать лет – хоть в Россию, хоть в Ванкувер – не узнаешь.

Итак, никаких сравнений, никаких фантазий на тему «Я

и моя семья в сегодняшней Москве». Я просто туристка, заранее смирившаяся с тем, что её будут обкуривать в кафе и обдавать перегаром в метро, что за корзинку с хлебом и воду в ресторанах надо платить отдельно, что водители не уступают дорогу пешеходам, а женщины ходят по городу на огромных каблуках, от одного вида которых у гостей столицы выступают мозоли и болят щиколотки. К тому же там всё дорого, и Путин наступает на ноги, руки и прочие места демократии. Ах да, ещё в Москве обитает много-много медведей, в смысле, я хотела сказать – диких обезьян, то есть, простите, я имела в виду красивых женщин. Чёрт, почему я не лесбиянка? Дайте, что-ли, красивых мужиков для разнообразия. Нет, говорят, с мужиками демографический кирдык: на красивых, трезвых и прилично одетых – очередь, как в советские времена на «Жигули». Ладно, будем завидовать стройным красоткам на шпильках. А также гулять по Арбату и Невскому, петлять по маленьким улочкам Питера и Москвы, любоваться яркими комиксами о жизни Христа на стенах древних кремлёвских соборов, улыбаться старым приятелям – бронзовым скульптурам на станции «Площадь Революции» и в который раз замирать на вдохе от неземной лёгкости разноцветной питерской архитектуры на фоне тяжёлого серого неба.

Я не приняла во внимание, что смиренной туристке надо не выезжать за пределы центра и уж тем более за пределы города, надо забыть русский язык и не общаться часами с

теми, кто там остался, надо отключить память о первых двадцати годах своей жизни. Я хотела быть в России обычной американкой. Не получилось.

У меня что-то зашевелилось внутри уже при виде слова «Шереметьево» на здании аэропорта. А уж внутри... Лица вокруг – другие. Совершенно иной фенотип. Вроде две руки, две ноги, один нос, та же раса (я сравниваю с белыми американцами, вестимо), а разница чувствуется сразу. Нас встретил Борин друг, посадил в машину, повёз к себе домой.

Я отчаянно вертела головой. Вокруг ездили покрытые брезентом грузовики родом из моего детства, на постах стояли милиционеры в широких фуражках, один даже держал сильно потёртый зеброобразный жезл, женщины в юбках несли большие сумки, кто-то орал: «Ты чо, бля?», вокруг стояли большие дома с магазинами на первых этажах и вырезанными на фасаде прямоугольниками, у тротуара рос подорожник, а на дороге красовались указатели, которые я учила когда-то в одном из первых открывшихся кооперативов, где нас натаскивали на водительские права. Из-за углов выскакивали знакомые здания, виды, памятники.

«Ну как, изменилась Москва?» – спросил Борин друг. Да ни фиги. Кажется, я удивила всех пассажиров машины. Да как же?! Да вот же новые здания вокруг, дорогу расширили, то снесли, здесь перестроили, вон там какой-то шедевр Церетели в виде Летучего Голландца с привиденческого ви-

да кошмаром, летящим на крыльях ночи, на корме (кошмар оказался Петром Первым), а храма Христа Спасителя ведь не было, когда вы уезжали, а магазины, а витрины, а рекламные щиты? «Это совсем другой город, – резюмировал муж. – Я его таким не помню».

Я только плечами пожала. Мой мозг отказывался замечать «Ауди» и «мерсы», рекламу французской косметики и неоновые витрины, стеклянные высотки и многополосные шоссе. Я видела то, что хотела видеть, точнее, только то, что узнавала. Витрины, рестораны и небоскрёбы в мой жизни присутствовали уже много лет в изобилии, не говоря уж о немецких машинах и широких дорогах. Они отфильтровывались. В мозгу существовал, оказывается, некий трафарет под названием «Москва», и всё, что не подходило, отсеивалось. Мне хором пели все и вся, что я не узнаю город. Я узнала его сразу, как узнаёшь давнишнюю подругу, которая из молоденькой девушки превратилась в зрелую женщину, поменяла причёску, приделалась, накрасилась, слегка располнела, чуть-чуть увяла, помудрела, пообтесалась, но по сути осталась той же девчонкой, с которой вы встречали рассвет после выпускного вечера. Другая? Да. Но ведь та же самая!

Медового месяца нам отпущено не было, но медовый день – тот, первый, – был. Мне было хорошо в этом городе; потускневшие негативы памяти вдруг проявились и заиграли красками, все вокруг говорили по-русски, дворы распахивались уютными сквериками, девочки носили гольфы и банты

в волосах, у газонов был знакомый запах, в палатках продавали георгины и мохнато-пушистые астры, в ресторанах подавали окрошку на кефире и на квасе, обещанные стройные девушки дефилировали мимо на обещанных же шпильках, и даже полупьяные, воняющие перегаром мужики с пивом в руках казались родными.

Неродное не раздражало, а веселило. Иллюстрированная «Камасутра» в киоске у метро. Там же – мазь для счёта купюр и лак для ногтей. Рядом плюшевые звери и книги Дины Рубиной, сигареты всех мастей и сувениры, ремни и шали, карты города и маникюрные наборы. Подземный переход напоминал восточный базар, только ишаков не хватало. Там я купила ёжика для своей коллекции, пару книг для мамы, музыкальные диски, розовый лак, карту, сок и пирожок. Расплатилась яркими цветными бумажками, поленившись поделить все эти тысячи на двадцать пять и хоть примерно представить, сколько денег я трачу. С рублями эти фантики не проассоциировались никак, а тут ещё выяснилось, что двадцатикопеечных монет больше нет, и двушек нет, и даже пятнадцати копеек нет. Там было весело, гремела евротрэшная попса, какие-то парни освежали ядрёный трёхэтажный русский мат в моей мхом поросшей памяти, кто-то торговался, кто-то целовался, и даже треклятый сигаретный дым, отравлявший мою жизнь все четырнадцать дней пребывания в стране, временно отошёл на второй план. Танцуют все!

В город моего детства приехала ярмарка. Москва бурлила

и кипела, выпрыгивая на меня пружиной из порвавшегося матраса.

В тот первый – медовый – день меня поразили только две вещи. Сначала Боря спросил у своего друга, почему тот водит «Хёндай», а не, скажем, «Тойоту». На что друг ответил, что «Тойота» у его начальника, а он в компании второй человек, и негоже ему иметь машину, как у первого, не говоря уж о машине получше. Я надолго задумалась, пытаюсь сообразить, какое боссу дело, что водят его подчинённые. Может, у него пять детей и привычка просаживать крупные суммы в казино? А подчинённый, наоборот, одинокий ковбой, всю жизнь мечтавший только о «Лексусе» и копивший на него три года? А может, подчинённая – женщина и новенькую «Ауди» ей подарил любовник? Да вообще, кому охота ранжировать машины? Никак эта логика не укладывалась в моей голове.

А потом мы увидели собаку. Мы только что прошли мимо роскошной новой многоэтажки, квартиры в которой, если верить нашему другу, стоили хорошо за миллион. Вокруг миллионного дома бегал какой-то запаршивевший ничейный пёс, непривитый, без ошейника, со свалывшейся шерстью. Москвичей это не удивило. Да полно, говорят, их тут, в городе. Стаями бегают. А руководство ничего с ними не делает, потому как они город от диких волков (гиен? опоссумов? шакалов? какаду?) охраняют. У подъезда соседнего дома сидели подростки с бутылкой пива в одной руке и си-

гаретой в другой и разговаривали на очаровательно-непереводимом русском фольклорном. Воистину город контрастов. Я подумала, что обитатели заоблачно-недоступного замка должны выпрыгивать из подъезда прямо в поджидающий «Мерседес» или лимузин, дабы не испортить впечатление от мраморных вестибюлей реалиями жизни в радиусе пятиста метров. Детей на улицу тоже желательно не выпускать, даже с французской гувернанткой. А то ребёнку придётся переводить гувернантке несущиеся со скамеек трёхэтажные деепричастные обороты.

Но это мелочи, издержки, тот самый шаг от великого до смешного, от кошмара пустого полуголодного города до процветающей столицы дороговизны, от развала до глянца, от оттенков серо-коричневого до всех цветов радуги, от края пропасти до вершины холма, пусть и свеженасыпанного. Пятилетка за три дня – это наше всё, а через век за несколько лет без издержек не перепрыгнешь. Глядишь, если цены на нефть ещё немного продержатся, то и собак отловят, и с пригородными волками сами бороться научатся, и чужие деньги считать перестанут, и ещё несколько кольцевых дорог вокруг города построят, причём последнее пройдёт через Ростов-на-Дону.

Детство – время сказок. В городе детства хочется верить в сказку. Но был вечер. И было утро. День второй.

На второй день я решила съездить на дачу, где проводила

каждое лето своего детства. Дорога туда заняла два с половиной часа (всего 40 км от Москвы), и в живых я осталась исключительно потому, что мой водитель не курил. Сочетание жуткой жары и загазованной пробки привели меня в состояние, близкое к невменяемому. Зато впечатлений было! Дороги за пределами Москвы практически не размечены. Не знаешь дороги? Архипелаг Гуд Лак. В какой-то момент мой водитель вдруг резко свернул с пути, хотя прямо шла дорога такой же ширины. «Тут главная дорога уходит направо», – объяснил мне он. Почему? Да потому, что направо поехало большинство машин. Ась? А он уверен? Он же никогда тут не был, там не было никаких указателей! Оказалось, прав (мы у гаишника потом спросили). Классная у человека интуиция оказалась. Меня посади там за руль – через неделю найдёте на Черноморском побережье. В другой раз машина так подпрыгнула, что я думала, мы там подвеску оставим. Через минуту она сделала это ещё раз. Я с ужасом посмотрела на дорогу и не обнаружила ни одной ямы. Оказалось, это то, что мы здесь называем speed bumps – небольшие возвышения на всю ширину дороги, призванные контролировать скорость лихачей. С одной большой разницей: там они были повыше и никак не обозначены, не окрашены. После третьего сальто мортале, сопровождавшегося смесью грохота и лязга, мы поехали со скоростью раненой улитки и начали во все глаза пялиться на асфальт. Разглядеть эти «попрыгунчики» оказалось не так просто даже с моим идеальным зрени-

ем. Они полностью сливались с дорогой. Разбить там машину – пара пустяков. Нам ещё повезло, что первые три «бабаха» ничего не повредили.

О, это непере译имое прекрасное русское слово «пиздец»! Нет ему равных в ёмкости, в охвате, в масштабе. Потому что Подмосковье – это оно самое. И синонимов нет. Велик могучий... Выезд за пределы всех кольцевых дорог должен быть обязательным в каждом туристическом маршруте. Москва, как всем известно, – это не Россия. У многих моих знакомых, побывавших в Мексике, самыми яркими впечатлениями от недельного пребывания на роскошном курорте остались поездки вглубь страны, на пирамиды Майя. Причём не столько сами пирамиды, сколько вид из окна автобуса по дороге к ним. Там другая Мексика. Под Москвой – другая Россия, хоть в чём-то и более знакомая. Попросту говоря, мы отмотали не 40 км вперёд, а десять-пятнадцать лет назад. Это была страна моего детства, почти не тронутая (про эксклюзивные островки для богатых я, понятное дело, не говорю). Но это было общее впечатление. А детали изменились.

В Кратове я не узнала практически ничего. Найти старую дачу без подсказок добрых людей было бы невозможно. В чём прелесть этих дач, я так и не поняла. Посёлок городского типа, везде дома и заборы, пруд превратился в болото, купаться негде, делать совершенно нечего, ничего вокруг нет. Даже грибов, говорят, в лесу не осталось. Зато остались смородина и крыжовник на даче соседей – вот я объелась! Со-

скучилась по этим ягодам ужасно. Наверное, детям там лучше, чем в «каменных джунглях», вот и едут. Воздух, кстати, не фонтан – кругом машины, а уж доехать туда... В моём детстве Кратово было заполнено просеками, открытыми пространствами, лугами, тропками, лесами. А теперь всё застроили и заборы понаставили выше человеческого роста. Закрыли пространство. Грустно.

Зато в центре Москвы мне понравилось, особенно то, как отстроили разрушенные в тридцатые годы соборы, как отреставрировали старые здания, как вычистили улицы и дворы. К новострою отношение было сложное. Что-то где-то вписалось, но в большинстве случаев, когда мне с гордостью показывали новое здание или даже целый их комплекс, на меня смотрел во всей своей красе какой-нибудь Спрингфилд, Массачусетс. За современной стеклянной красотой надо ехать в Манхэттен, Чикаго, Гонконг, даже тот же Дубай – это их лицо, их марка. А Москве стоит поучиться у Питера и попытаться вписывать новые здания в архитектуру окружающих районов, не искажая лицо города. Плоские стекляшки в московском интерьере смотрятся ничуть не лучше «шедевров» Церетели. Ещё хуже, если хотите знать моё мнение. Но это болезни роста. За центр Москвы и за её хорошие районы я как-то не волнуюсь.

А вот дом, где я выросла, нынче, оказывается, не в лучшей части города. «Щёлковская», мне объяснили, теперь не котируется: там азербайджанцев много. Дружба народов сыграла

с нашим двором злую шутку. Асфальт перед домом разворочен, деревянные двери сменили на уродливые железные, лавочки с бабушками исчезли, а огромное пространство, где были детская площадка, небольшое футбольное поле (а зимой – каток) и огромное дерево с тарзанкой, заставили «ракушками» – уродливыми жестяными гаражами. За ними поставили новую школу, и вид из окон теперь ужасный, да и детям совершенно негде играть. Примерно то же самое мы увидели на другом конце Москвы – около дома, где вырос муж. Я пожалела, что поехала. Память штормило. Как можно сравнивать впечатления от России туристов и эмигрантов, ну как? У них же штиль в голове, чистый лист.

К тому же они не понимают язык. Сначала я никак не могла привыкнуть к тому, что все вокруг говорили по-русски, в первые пару дней всё время оглядывалась да удивлялась. На третий день мы с мужем проходили мимо какого-то роскошного отеля и решили туда заскочить на предмет пописать. На всякий случай перешли на английский. Сработало: дверь открыли, заулыбались, на деревянном английском поприветствовали. Потом муж признался мне, что на какую-то долю секунды испугался, что забыл английский язык. Да и мне в первую минуту этот переход был странен; мы уже окунулись в русский с головой. Вообще утверждение, что всё новое – это хорошо забытое старое, себя не оправдало. Чувство новизны было минимальным, преобладало чувство узнавания. Я с удивлением констатировала, что мне вполне уютно

в Москве. Более того, в Москве мне интересно. В Америке я ведь фактически живу в парнике и с иными реалиями сталкиваюсь редко. Ни диких собак тебе, ни пьяниц, ни русского языка, ни иллюстрированной «Камасутры» на одной полке с Камю. А тут не соскучишься, столько колоритных персонажей, интересных ситуаций, забавных моментов. Ну какая же я американка? Так, прикидываюсь.

Оказалось, не прикидываюсь. На седьмой день пребывания в городе я пошла в Кремль. Боря не пошёл, сказал, что ему не интересно, и я потопала в гордом одиночестве. Гуляла себя по соборам, слушала экскурсоводов тут и там и вдруг увидела группу американцев. Дальше было просто смешно. Я бросилась к ним как к родным. Затесалась в толпу, поболтала о том о сём, даже пыталась вместе с ними тихой сапой пролезть в Оружейную палату, куда кончились билеты. Но туристов считали по головам и меня турнули. Когда группа скрылась за дверями Оружейной палаты, я быстренько нашла ещё одну и прилепилась к ней. Они просто болтали о чём-то, а я наслаждалась звуками их речи. Господи, как же мне вдруг захотелось обратно, в Америку! Какими родными показались их западноевропейские лица, их американский английский, их форма одежды! Назад, в парничок, в скромное обаяние буржуазии, к раскатывающимся «г», англо-саксонским типажам и кроссовкам на ногах. Назад, в страну эмигрантов, где нет доминантной нации или культуры, где я не чувствую себя каким-то случайно затесавшимся, инород-

ным телом, подавляющим меньшинством. Дело отнюдь не в «лучше или хуже», и Москва ни при чём, мне просто захотелось *домой*.

В Москве у нас с Борей установился следующий режим. днём мы вместе гуляли по городу, а вечером разбегались по друзьям, знакомым и родственникам. Делать это вдвоём мы не могли: не уложились бы в отмерянные дни, слишком многих людей надо было увидеть. Вечерние встречи с друзьями, родственниками, бывшими одноклассниками и читателями моего блога оказались лучшей частью нашего визита. Я была глубоко тронута проявленным к моей персоне вниманием. Люди бросали важные дела, перекраивали расписания, меняли планы, даже отменяли поездки за город и ехали к чёрту на рога, чтобы увидеть меня. В этом городе живут чудесные люди – надо только места знать. Московские дни и вечера при всей их непохожести объединяло одно: я плыла по волнам своей памяти, то мило покачиваясь, то изо всех сил работая руками и ногами, то расслабляясь, то глотая солёную воду.

Вот такой город – не родной, но и не чужой; не любимый, но дорогой; знакомый, но непривычный; быстро надоевший, но неотпускающий. Москва занимает совершенно уникальное место в моём сознании. В Москве я была не дома, но и не в гостях. В Москве я была в детстве и юности, увиденных сквозь призму... а чёрт его знает чего. Всего. Все облома-

лось в доме Смешальских. Я уже не помнила, что было тогда, а чего не было. То я видела себя ребёнком в сегодняшней Москве, то взрослой в тогдашней, то вперемешку. Меня мучала ностальгия по чему-то утерянному, возможно, по наивности, невинности, незнанию других миров, по тому хорошему, что было там тогда и тогда во мне, а может, просто по той, кем я могла бы стать. Это было королевство кривых зеркал восприятия, и я в нём заблудилась, безуспешно пытаюсь понять, почему мне так хорошо и одновременно так плохо в этой стране и в этом городе, почему так хочется уехать, удрать отсюда, но протянуть ниточку через океан и держаться за неё... или за себя... или за...

Одну вещь я поняла в Москве чётко. Я очень не хочу, чтобы моим детям пришлось куда-то эмигрировать. Ну её к чёрту, эту раздвоенность восприятия и миопию третьего глаза. На мир лучше смотреть с одной колокольни. А то голова начинает кружиться.

Впрочем, вопроса, где дом, не возникало. Домой, домой, пора домой. Увлекательное путешествие на машине времени подходило к концу, качаться на волнах памяти поднадоело. Но сначала был Питер.

Питер встретил нас свиной головой. Нарочно не придумаешь: в центре города, в десяти-пятнадцати шагах от двери гостиницы «Ринальди Олимпия» посреди бела дня лежала полуразложившаяся, гниющая, облепленная мухами свиная

голова и воняла так, что лучше бы она курила. В гостинице милые девушки пожали плечами и сказали, что улицу убирает дворник. Мы тоже пожали плечами и пошли наверх в свой номер, надеясь, что когда мы через пару-тройку часов выползем обратно на улицу, головы уже не будет.

Нам нужно было отдохнуть. Поезд опоздал на три часа, и мы замаялись. Но вы не подумайте, я не критикую, я в восхищении. За 24 часа до нашего отъезда из Москвы ровно такой же поезд Москва – Питер сошёл с взорванных рельсов. Между прочим, мы запросто могли на нём оказаться (подумывали уехать на день раньше). Терроризм, куча раненых, развороченные пути... и через полдня поезда уже ходят по тому же маршруту.

Я читала газету на кухне (ах, рекламы московских газет!) и слушала, как Боря обсуждал этот вопрос с хозяином квартиры. Как же так, спрашивал муж, как можно восстановить пути за несколько часов? У нас бы это как минимум пару недель отняло. Ведь там нужно насыпь специально градировать, сначала такой грунт сыпать, потом эдакий, потом выравнивать, потом... Короче, учёба в МАДИ ему даром не прошла, но вас я утомлять инженерными деталями не буду, тем более что сама ничего не поняла, кроме того, что нормальную железную дорогу за пару часов не построишь. «А кто говорит о нормальной?» – удивился его друг. Это ж трасса Москва – Санкт-Петербург, это вотчина Владимир Владимировича, все нарушения графика на этой дороге он вос-

принимает как личное оскорбление. Там поставили на уши всех и вся. Они не то что пятилетку за три дня – они БАМ за сутки отгрохают. Насыпят, чтоб держалось, а сверху рельсы-рельсы, шпалы-шпалы-шпалы-шпалы. Доложат, что дорога готова и пути восстановлены, а потом потихоньку будут кусками латать. Был бы это маршрут Рязань – Калуга, поезда ещё полгода ходили бы через Мурманскую область. Про Мурманскую область я, конечно, шучу, но идею вы поняли.

Но я что, я не жалуясь. Я как раз очень рада была, что Владимир Владимирович родом из Питера, а не из Калуги. В Мурманскую область совсем не хотелось. Опоздание на три часа через сутки после теракта – это ж тьфу, это ж курам на смех. Отделались не просто легко – легчайше. Тем не менее мы приехали в бывшую столицу не утром, как собирались, а днём, и хотели расслабиться и принять душ. Когда через четыре часа мы вышли, наконец, из гостиницы на предмет прогуляться, свинья была на месте и благоухала на всю 6-ю Красноармейскую улицу. Подавив рвотный рефлекс, мы свернули на Московский проспект и потопали к Фонтанке. Прогулка далась нелегко: было трудно дышать. В Москве, кстати, дышалось совершенно нормально. Если мимо не проезжал грузовик или какой-нибудь доисторический «жигуль», воздух был вполне приемлем. В Питере воздух драл горло, щипал глаза и откровенно вонял выхлопными газами. Особенно остро мы это почувствовали, когда сошли с катера после путешествия в Петергоф. Там дышалось

прекрасно, на Неве – тоже. Но как только мы ступили на берег... Вообще пребывание в России доставило массу приятных моментов моим органам зрения и вкуса, слух тоже не пострадал, а вот обоняние ушло в запой, объявило забастовку и долго вопило, что так не играет и нехорошо издеваться над маленьким, ни в чём не повинным ольфакторным нервом.

Мы вернулись домой поздно и привычно отвернулись и зажали нос, проходя мимо ставшей почти родной свиной головы. Свинью убрали на следующий день. Только мы, понимаешь, привыкли... Если честно, впечатление о городе было испорчено. Не пошёл Питер. И два дня не шёл. Город как будто специально пытался меня отторгнуть. Например, в нашем номере не было кондиционера. Казалось бы, в Северной столице кондиционер не самое главное, но мы попали туда в чуть ли не самую жаркую неделю года, на улице было 30 с гаком плюс влажность, вентилятор не помогал, спать было невозможно. Мы открыли окна, и всю оставшуюся ночь я вела неравный бой с комарами. В отсутствие сна организм пошёл вразнос: болела голова, были стёрты ноги, от смога покраснела и воспалилась кожа вокруг глаз, а Боря ворчал, что он тут всё уже видел, родственников и друзей в городе нет, так что могли бы и не переться... Мама, я домой хочу. За что люди любят этот город? Любовь зла...

Оставалось два дня – пятница и суббота. В пятницу мы должны были встретиться с подругой моей сестры. Подругу

звали Юля, и я никогда раньше её не видела. Мы договорились встретиться в одиннадцать утра и погулять часа четыре. Вечером у меня была встреча с питерскими читателями, поэтому я ещё собиралась зайти в гостиницу, принять душ и переодеться.

Сестра обещала, что Юля поводит нас по городу. Она, мол, хорошо это делает. Ну что ж, пусть поводит. Хуже уже точно не будет, может, будет лучше. Вот памятник такому-то. Воздвигнут в тысяча каком-нибудь году, в честь ляля-ля, скульптор с итальянской фамилией. А вот собор очередного святого, покровителя царя Имярека первого. Или второго. Строили столько-то лет, высота купола чёрт знает сколько метров, вес каждой колонны офигеть сколько тонн, мрамор завозили из бог-знает-откуда, каждую икону распиливали...надцать человек в течение всей своей жизни, а решётку лили итальянцы из эдакой знаменитой мастерской. И если этот узор растянуть в одну линию, он достанет до Луны. Ну и так далее. Экскурсий я за свою жизнь наслушалась много.

Но *такой* не слышала ни разу. С первых минут было ясно, что тоннажем крестов на куполах и длиной решёток нас тут развлекать не будут. Экскурсия по Петербургу превратилась в увлекательнейшее путешествие, а история города – в приключенческий роман. Здания оживали; тут из-за угла вышел Гоголь, там из окна улыбнулся нам Пушкин, на один сад мы смотрели глазами Ахматовой, а на другой – глаза-

ми Екатерины II. Площади превращались в коровьи пастбища, потом покрывались деревянными зданиями, горели, отстраивались, по ним бегал, размахивая руками, Растрелли и что-то кричал, на глазах появлялся фундамент очередного дворца, потом дворец рос, приобретал современные формы, его красили, перекрашивали, он ветшал, реставрировался, вокруг ходили степенные купцы, носились институтки и революционные матросы, и куда-то спешили, прижав мобильники к ушам, бизнесмены. Нева выходила из берегов, город горел, восстанавливался, в нём разводили мосты, его белые ночи привечали влюблённых, по его тёмным улицам плелись блокадники, на булыжной мостовой слышен был цокот копыт, а на фасадах сверкала неоновая реклама. Фавориты цариц, немецкие принцессы, кавалергарды, чей век недолог, народовольцы, тираны, святые, юродивые, гении, реакционеры, проститутки. И над всем этим – тяжёлое серое небо.

Жара спала, закапал дождик. Мы поёжились: не взяли с собой зонт. Юля же улыбнулась и подставила лицо воде. «Дождь! Обожаю питерский дождь! Тут нельзя жить и не любить влагу».

Там вообще нельзя жить не любя. Юля рассказала, что к юбилею города какие-то учёные (психологи, социологи, климатологи и прочая) опубликовали результаты совместных исследований, где было чётко написано, что город к жизни непригоден. Слишком мало солнца, слишком много воды, вредно для лёгких, опасно (наводнения), дети болеют, каче-

ство воздуха ни к чёрту и т. п. Дворцы и фонтаны надо восстанавливать и реставрировать чуть ли не каждые пять лет. От этой влажности и смога расплзаются даже здания, причём в рекордные сроки, что уж тут говорить о людях? Но жители любят этот город так... Наверное, так любят больного ребёнка. До дрожи.

В конце девяностых Юля уехала из Питера. Там, где она поселилась, у неё было всё замечательно: ребёнок расцветал, карьера шла в гору, светило солнце и пели соловьи. Через три года она взвыла, бросила всё это благополучие и солнце к чёрту и вернулась в свой-город-знакомый-до-слёз.

Мы стояли на стрелке Васильевского острова, и эта петербурженка в шестом поколении с её рафинированным, богатейшим русским языком, с её феноменальными познаниями в истории, архитектуре и много в чём ещё смотрела улыбаясь на свинцовое протекающее небо и рассказывала нам о том, как вернулась.

– Я готова была припасть к каждой набережной и целовать камни. На некоторых я так и делала. Я стояла вот тут, на этом месте, под дождём, раскинув руки, любуясь Невой, и кричала: «Я *охуеваю!*»

Мы забыли о времени, о смоге, о стёртых ногах, о планах на вечер. Мы хотели обойти как можно больше и увидеть её глазами *всё*. Мы смеялись у памятника Крылову. «Создан самой известной лошадиной фамилией России – Клодтом. Любил лепить коней. А не людей. Но Николай поручил ему уве-

ковечить Крылова, а приказ государя надо выполнять. Посмотрите на этот памятник. На постаменте десятки героев басен – удивительно выполненные зверюшки, каждая шерстиночка видна, каждый коготок, у каждого своё выражение лица, то есть морды. Потрясающе сделано. А сверху сидит эдакий Собакевич – кое-как сварганенный мужик, весьма отдалённо похожий на баснописца. Да и кому он интересен, когда такие зайчики и лисички внизу? Клодт остался собой».

Юля успокоила меня по поводу «кремового торта», пардон, храма «развесистой клюквы», пардон, Спаса на Крови. Со времени моего последнего визита в город (18 лет назад) с него сняли леса. Лучше бы они этого не делали! Может, у меня что-то со вкусом или я просто всё критикующая иностранка? Я нескромно порадовалась, когда до дикого блеска в глазах влюблённая в этот город патриотка (в лучшем смысле этого слова) назвала храм аляповатым уёжищем. Приятно быть в хорошей компании. Так и редкое уёжище, и мой американский паспорт тут ни при чём.

Через семь часов мы поняли, что опаздываем на встречу. К чёрту душ и переодевалки – вот как были, так и потопали. Время с Юлей оказалось дороже. Но ничего, меня простили.

В субботу я пошла смотреть Смольный собор. Боря на тот момент устал и вернулся в гостиницу, а мне хотелось напоследок полюбоваться парящим чудом, моим любимым в Петербурге зданием. У собора стоял лимузин, из которого торчали красавица-невеста и полный розовощёкий жених. Во-

круг толпились японцы, фотографировали пару. Потом залезли в свой автобус и уехали. Интересно, собор они пофотографировали? Забавный зверь – японский турист. Наконец уехал и лимузин, а я осталась наедине с золотом на голубом.

Небо покрылось тучами, надо было возвращаться. До метро идти было минут двадцать, откуда-то подул сильный ветер, закапал дождик. Мне почему-то было хорошо. Навстречу шёл средних лет мужчина и катил перед собой инвалидную коляску, в которой лежала парализованная женщина. Издалека я могла разглядеть только худые скрюченные ноги с атрофированными мускулами. Кресло было откинута назад, и туловища видно не было. Я решила, что сын выгуливает больную старушку мать. Однако поравнявшись с парой, я с удивлением обнаружила, что женщина довольно молода, не больше сорока, да и то вряд ли. Её бледность и общее состояние указывали на то, что на улице она появляется редко. Молодое, без единой морщины лицо было закинута вверх, она смотрела на мрачное тёмно-серое небо и улыбалась. Периодически на её лицо падали дождевые капли, и тогда она улыбалась ещё шире. Точно так же, как Юля на Васильевском. Казалось, ей хотелось обхватить это недружелюбное небо, этот жестокий мокрый город, этот режущий горло и глаза воздух и закричать: «Я охуеваю!»

Пока мы гуляли с Юлей по Питеру, я думала о том, что так и не собрала обрывки впечатлений в единое целое. Как

это ни смешно звучит, меня мучал вопрос о проблемах России. Все вокруг повторяли заезженную до скрипа на поворотах фразу про дураков и дороги. Не то чтобы это не было актуально, но дураков везде хватает. Я не обнаружила принципиальную разницу в количестве дураков между Америкой и Россией. Подозреваю, что жители других стран подтвердят мою гипотезу. Количество дураков на душу населения от географической широты зависит мало. А дороги плохие почти везде, кроме сравнительно небольших участков Западной Европы, Америки (той и другой) и Австралии. Однако никто не говорит, что проблема Колумбии или Албании – плохие дороги. Можно подумать, что, проложи завтра Россия по всей стране супершикарные автобаны по немецкому образцу, всё сразу станет на свои места. В Бостоне одно время строили новый highway (тоннель) через весь город, так на пару лет дороги превратились в неопиcуемый кошмар, через город невозможно было проехать. При этом Бостон остался Бостоном и на Раменское похож не стал.

Я обещала себе не сравнивать и не сравнивала. Периодически что-то вырывалось помимо воли, как после рассказов о больницах, где медсёстрам надо платить, чтобы они вкололи нужное лекарство, да ещё самим это лекарство покупать. Или после рассказа подруги детства о том, как после инсульта матери они с братом собирали по всем друзьям и знакомым пару тысяч долларов, необходимых для удаления гематомы, которая давила матери на мозг. В таких случаях

я теряла самообладание и восклицала: «Да это же кошмар, да у нас!..» А потом и это перестала делать. Кому, в конце концов, какая разница, что там у нас? Об Америке старалась говорить, только если спрашивали. И даже в уме перестала проводить параллели и перпендикуляры. Уже на второй или на третий день пребывания в стране я нутром почувствовала, что это другой мир. Дело тут не в том, лучше или хуже, просто что-то настолько принципиально отличалось, что все сравнения были неуместны. Я только никак не могла поймать это что-то, хотя очень хотелось. Я оказалась к этой стране равнодушна, мне страсть как хотелось дойти до самой сути. Суть не давалась.

Глаз ловил детали. Вот женщины, одетые так, как у нас одеваются только на выпускной вечер или чью-то свадьбу, бредущие по жаркому пыльному городу в узких юбках и на высоченных каблуках. Вот поливальные машины поздним вечером на Красной площади, едущие по заранее предусмотренному маршруту, плевать хотевшие на гуляющих москвичей и гостей столицы, разбегающихся во все стороны от мощных струй воды. Нас чуть не обдало, мы вовремя отскочили. Вот organ donors (доноры органов) – сумашедшие мотоциклисты без шлемов. Шлем на мотоциклисте я за две недели пребывания в России видела один раз. Хочется надеяться, что очереди на органы в стране нет. Если, конечно, нужное на пересадку количество тысяч собрать по всем сусекам. Вот демографический кризис в действии: молодые сим-

патичные девушки с немолодыми несимпатичными «папиками» в дорогих ресторанах, красивые невесты с некрасивыми женихами (все пары, которые мы видели, кроме одной), на редкость непривлекательные типы, обнимающие изящных прелестных женщин, и т. д. Курящие люди везде, причём я бы сказала: гордо курящие, бросающие полупрезрительно: «Ну, вы там, в Америке, все здоровый образ жизни ведёте». Типа, вот козлы-то, здоровый образ жизни ведут. Вот проводник в спальном вагоне, жалующийся, что от него требуют улыбаться пассажирам: «А чего я им буду улыбаться за десять тысяч зарплаты?» Непристёгнутые, прыгающие по быстро едущей машине дети. Водители, наглотаившиеся озверина. Меня два раза чуть не задавили, при этом по сторонам я смотрела и куда попало не лезла – предупредили, и не раз. Патологически неизвиняющиеся люди в метро; толкнут вас и пойдут дальше. Вечером везде пьяные с бутылками пива в руках. Во всех магазинах охранники, разгуливающие с мрачным видом по рядам. Все эти истории про «возраст сохранения»; мужчинам и женщинам после 60—65 вежливо говорят: «Что там лечить, в вашем возрасте катаракта – дело такое... А высокое давление, так куда ж без него, в семьдесят пять-то?» Девяностолетних вообще лечить смешно. И инвалида без ног можно занести в мамину квартиру на пятом этаже, в доме без лифта и там оставить.

Всё это частности. На всё это можно найти ответ. Выбрать нужное:

1. Это не совсем так, и не всегда, и вообще у тебя неверная информация.

2. Да у вас в Америке тоже то и сё.

3. Тебе не повезло.

Возможно, не совсем так, и не всегда, и не повезло. Америка вообще ни при чём. Просто меня не покидало ощущение, что всё это как-то связано между собой, что у всех проблем один корень. Общее впечатление портили не столько мелкие «детали интерьера» (тем более что большая их часть меня впрямую вообще не касалась), сколько ускользающая «инакость» мира, в котором я находилась. Мы с Борей много рассуждали про homo soveticus, но почему-то история двадцатого века помогала мне понять Россию не больше, чем «дураки и дороги».

Так вот, гуляем мы, значит, по Питеру и слушаем истории про Петра Первого. Про то, как он пытал людей, как был подозрителен во всём, как уничтожал врагов и их семьи. Про царевича Алексея, который и не бунтовал против него, а лишь разговоры разговаривал, но которого, тем не менее, тоже страшно пытали, пока не сознался в несуществующих грехах. Про то, как Пётр «шутит», как заставил человека из свиты, которому стало плохо в анатомическом театре, вырывать у трупа мышцы и сухожилия ртом. Про то, как строили Петербург, все и так знают. Гибли не только и не столько от болота, сколько от цинги; строителям элементарно не поставляли продовольствие. Да и отогреться и высушиться

им было негде – в том-то климате. Сдохнут – новых подвезём. Это был фактически концентрационный лагерь: выжил – значит повезло. Когда Пётру нужны были деньги для бесконечной войны со шведами, он их печатал. Обесценил рубль в несколько раз. Прорубая окно в Европу, существующую древнюю культуру душил на корню, обычаи отменял, обряды запрещал. Пётр заморил четверть (а согласно другому экскурсоводу, вообще треть) тогдашнего населения России.

И он далеко не был самым крупным реформатором России XVII—XIX веков. После Петра страна отходила лет пятьдесят. В какой-то мере героя из Петра сделал Пушкин, а до этого отношение к нему было несколько иное. Тем не менее сейчас он гордо гарцует на бронзовом коне – великий россиянин, символ чего угодно.

Интересно, как через триста лет будут говорить о Сталине? Ведь СССР в двадцатые и пятидесятые – это дистанция огромного размера. Страна из аграрной превращена в индустриальную, сколько построено, сколько проложено, прорыто, открыто. Фашизм опять же победили, а какой ценой – да не волнует это никого через энное количество лет. Можно ведь выморить четверть населения и остаться в памяти народа героем, это доказано. Вся российская история – это история летящих при вырубке леса щепок. Мы гуляли по Исаакиевскому собору, восхищались его красотой и величием, нам сообщали массу интересного о материалах, интерьере, постройке и как бы между прочим сказали, что храм строили

500 тысяч человек на протяжении сорока лет (не все одновременно, естественно). Треть погибло на месте в результате несчастных случаев или, позже, от болезней. А кому сейчас до этого дело? Кто помнит вообще? Вон храм какой стоит, город украшает. Строили, кстати, в XIX веке, Пётр ни при чём.

Экскурсия продолжалась. Тут вам и Анна Иоанновна с Бироном, и Екатерина II с её разгулом абсолютного рабовладения – то, во что при ней превратилось крепостничество; и такая война, и сякое строительство... И всё это до революции, до Гражданской войны, до тридцать седьмого года, до, до, до... Хотя вот интересный факт: за последние сто лет население Питера полностью сменилось четыре раза. ОК, один раз спишем на Гитлера, на блокаду. А остальные три? Трупы в истории России складываются штабелями, и по штабелям оставшиеся в живых ползут к следующей великой цели. Полное неуважение к человеческой жизни и достоинству – не новшество, не проблема *homo soveticus*; это восходит к Ивану Грозному, а то и раньше. Гуманизм как уважение к каждому индивидууму, как принятие абсолютной ценности человека и неприятие массовых жертв ради идеологических целей в России как-то не прижился. Разве что среди тонких слоёв интеллигенции, страшно далёких от народа. Понятно, что абсолютного гуманизма не существует. Мне сейчас начнут приводить в пример другие войны в других странах и будут правы, но дело в масштабах, в выученных уроках, в ис-

торической последовательности. Тут же век за веком – одно и то же. И это норма.

Германия во второй половине прошлого века целенаправленно прошла через очень трудный и болезненный процесс покаяния. А Россия – нет. Все те же советские номенклатурщики и кагэбэшники кругом, никто им ничего не сделал. Процвetaют. В храм зашли, три раза перекрестились, и ладошки. Все прекрасно знают, что советский лозунг «Всё во имя человека, всё на благо человека» был неудачной шуткой. Она ею остаётся. Обществом человеческая жизнь не ценится. В армии народ убивают и калечат (и не на войне, а просто так), в бесплатных больницах ненамного лучше, клятва Гиппократа – бред для бедных, а инвалиды и пенсионеры – вообще бесполезный хлам. Если уж медсёстры... Во всём мире медсёстры – символ сострадания, альтруизма, гуманизма. В медсёстры идут люди, желающие помочь больным, облегчить их страдания. Мне страшно представить себе страну, где медсёстры не вкалывают орущим от боли людям лекарства, пока им за это не заплатят, или часами не меняют пелёнки младенцам. И не одна, не две, не от чрезмерной усталости из-за кризиса дома или после тяжёлого рабочего дня, а повсеместно.

Другая историческая тенденция – людей унижают. И это тоже не от советской власти, а куда раньше. Уж как цари да бояре отрывались... Судя по рассказам людей, в девяностые годы прошлого века через десять кругов унижений про-

шли почти все. В результате обесценилась не только человеческая жизнь, но и человеческое достоинство. Если я не наступлю тебе на горло, ты наступишь на горло мне. Улыбка стоит денег; за десять тысяч рублей, извините, не улыбаются. Преступность только частично объясняется жаждой наживы. Полно историй про людей, травящих кого-то собаками, или про поджог домов неудобных соседей. У тещи Бориного друга, которая хотела играть по правилам и оформить какие-то документы официально, а не из-под полы, соседи по дачному кооперативу отравили кошку и вытоптали огород. Мы лично слышали, как два мента у метро «Партизанская» объясняли молодому парню восточного вида, как они его будут бить. Мимо шли люди и никак не реагировали.

Воруют, наверное, много. Статистики не знаю, лично не сталкивалась, но охрана везде такая, что не по себе становится. В каждом продмаге или книжном магазинчике. У большинства какие-то «серые» доходы, там коррупция, тут взятки, менты собирают подати (все привыкли, это вроде наших толлов на мостах, только толлы идут на улучшение дорог, а не кому-то в карман), и во всём действует презумпция виновности. Новое «Вольво»? А бабки где взял? Спёр, небось. У меня, небось. Сразу вспоминается фразочка из детства «хочешь жить – умей вертеться». А вы говорите – всё изменилось.

Живём однава, пока дают. Кто не рискует, тот не пьёт шампанского. Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким по-

мрёт. И как же комичны эти помешанные на своём здоровье американцы! Шлемы на мотоциклах, ремни в машинах, специальные сиденья для детей, нигде не курят, в общественных местах алкогольные напитки не распивают, а вечером – о ужас! – спать идут. Живут долго. Тоска. А в России – весело, обхохочешься. И жуткая нехватка мужиков, потому что уровень ДТП на душу населения – один из самых высоких в мире, а тут ещё армия, преступность, система здравоохранения, которая на большей части территории страны описанию не поддаётся, и в результате к сорока годам на десять женщин сколько там мужчин приходится? Шесть? И половина спилась. Я читала недавно книгу, называется «Lust in Translation» (не путать с «Lost in Translation»). Автор исследовала отношение к супружеским изменам в разных странах. Из всех западных стран в России к изменам самое терпимое отношение. Потому как трезвые, нормально зарабатывающие мужики есть большая ценность.

Женщина, одетая как типичная американка, т. е. для собственного комфорта, *для себя*, в России шансов практически не имеет. Тут надо распушить крылья, встать на каблучки, надеть узкое платье. У зверей и птиц всегда хорошо видно, какой пол должен больше стараться, чтобы привлечь противоположный; у них оперение, краски, гривы, хвосты, что хочешь. А те, кого они своим плюмажем завлекают, неприметные такие, как правило, неинтересные. Как самка павлина – смотреть не на что. Чего им пыхтеть, это за ними охотятся.

Поэтому ходят вокруг пары вроде той, что я видела в метро, – низенький коренастый парень, некрасивый, покрытый жуткими прыщами, рядом с очень привлекательной девушкой. Нигде больше я подобного не видела.

Впрочем, это не единственная причина, почему в России одеваются именно так. Я другой такой страны не знаю, где так «лопни, но держи фасон». Жизнь напоказ – национальный феномен, охватывающий все слои общества. Кто где отдыхает, у кого какая тачка, у кого какой фирмы костюм... почти Силиконовая долина конца 90-х, только хуже. И пропорции другие. Те, кто в Калифорнии ходит в костюмах от Армани и ездит на «мерседесах», имеют соответствующие дома, вложения и прочие атрибуты дохода. А тут можно жить в хрущёвке, а сумки покупать у модных дизайнеров. Так или иначе, одеваются люди не для себя, а для других.

И живут зачастую так же. Я не говорю, что это плохо, просто совершенно иная психология.

В свой последний день в Питере я поняла, что дураки – норма жизни, а дороги, туалеты и старые дома рано или поздно приведут в порядок. Дай бог этой стране всяческого экономического процветания на многие годы. Проблема России в том, что отряд не заметил потери бойца и песенку эту допел до конца. А может, кстати, кто и заметил. Но не обрывать же из-за этого песню.

Все там будем. Нет, ну вот лично вы, возможно, хотите,

чтобы вас заморозили, как какого-нибудь миллиардера, съевшего с катушек на старости лет, или наоборот, предпочитаете, чтобы вас сожгли, а пепел развеяли по просторам Индийского океана. И пусть родственники помучаются, осуществляя сей гениальный план. Но большинство из нас рано или поздно окажется на кладбище. А на каком? Есть пожелания?

Я вот хочу, чтобы меня похоронили в Америке, а навещали как в России. Не уверена, что это возможно. Тут слишком чисто и аккуратно, не надо ухаживать за могилами, да и дети чаще всего оказываются в других городах. Там тоже не хочу. Не люблю крапиву и бардак. Может, развеять себя по какому-нибудь водному или воздушному пространству?

Из списка «сделать, сходить и увидеть в Москве» не удалось выполнить всего один пункт, но очень важный. Я не нашла могилу деда. Мама дала мне номер участка и ценные указания из серии «на кладбище дедушке, как войдёшь налево». Участок № 43, Востряковка. В архивах кроме номера участка никакой информации не выдают. Иди и ищи, могилы не пронумерованы. Участок – один из двух-трёх самых больших на кладбище, размером с приличный квартал. Нас было четверо. Мы разбились по рядам и пошли искать дедушку. Рядов как таковых нет. Люди ставят ограды вокруг «своих» памятников, перегораживая проход. Неухоженные могилы зарастают бурьяном, памятники оседают, тут и там кучи веток, гнилых листьев и просто мусора. А тут ещё я

со своим американским менталитетом, отвыкшая от российских реалий, пришла на кладбище в короткой (чуть выше колен) юбке и в сандалиях. Уже через час ноги были исцарапаны, перебиты и исхлѣстаны крапивой. Но я хоть молодая да резвая, Боря тоже ничего, а тѣтя моя – человек пожилой, не слишком худой и не слишком здоровый. По половине рядов она просто не могла пройти. Через три часа, прочесав весь 43-й участок, а какие-то куски по нескольку раз, злые, испечѣнные солнцем и проклинаящие всё на свете, мы ретировались. Потом другая тѣтя сказала мне, что уже несколько раз пыталась найти дедушкину могилу, но безуспешно. Памятник уже в середине девяностых покосился. Скорее всего он осел или просто упал. И зарос.

Папе повезло больше. Лежит он, правда, на богом забытом Салтыковском кладбище, расположенном в конце никак не помеченной улочки, прямо за высоковольтными проводами. Никто из прохожих понятия не имел, где оно. Они даже не знали, что в Салтыковке есть еврейское кладбище. Мы его чудом нашли, покрутившись полчаса вокруг пяточка размером в пару квадратных километров. Зато там мне могилу показали сразу. Это потому, что мы пришли в рабочие часы. Работают они хорошо: по воскресеньям с 11 до 5 или что-то вроде того. Шесть часов в неделю. Ну да кто бы жаловался. За папиной могилой ухаживают – деньги уплочены. Мне, правда, всё равно пришлось её мыть и стаскивать с камней какие-то загнившие цветы, но это мелочи. Вокруг полно на-

столько запущенных памятников, что тоска берёт. Половина территории заросла крапивой и прочими сорняками по пояс. Кто эти люди? Почему никому нет до них дела? Ах, ну да, евреи же... Родственники уехали.

Уехали явно не все. На обоих кладбищах полно народу. Для меня – непривычно полно. Тут надо пояснить для тех, кто не в курсе, как выглядят кладбища в Америке. Я не знаю, кто ухаживает за христианскими кладбищами (некие христианские организации, вестимо), а за еврейскими ухаживает консулат синагог, объединяющий все деноминации. Тут нет оград, их не разрешают строить. Нет цветов на еврейских кладбищах, это не наша традиция. Русскоязычные эмигранты приносят, конечно, цветы и даже венки по старой памяти, но их рано или поздно забирают.

Все, абсолютно все кладбища «отманикюрены», травка зеленеет, солнышко блестит, чистота, красота и благодать. Родственники приходят просто постоять над могилой и положить камушек (или цветы – уж какая там у вас традиция) на памятник.

Да вот только не приходят они. Пара человек тут да там, и то не всегда. Тратят сумасшедшие деньги на похороны (средний гроб влетает в несколько тысяч), устраивают пышные поминки, хоронят... и всё. Заняты все, часто живут далеко, а могилы ведь ухожены, беспокоиться не о чем.

У нас есть очень хорошие друзья – она украинка, а он коренной американец. Его родители умерли давно, в сравни-

тельно молодом возрасте. Сначала трагически погибла мать, потом сгорел от преждевременной болезни отец. Сын их помнит, любит, фотографии на стенках висят, а на могилах не был лет десять. Когда его украинка-жена (тогда ещё новая) об этом узнала, то пришла в ужас и потащила мужа на кладбище. Как это, говорит, это ж твои родители! Цветы принесли, постояли, поговорили о них, поговорили с ними... Он ей очень потом благодарен был. Надо же, сказал, какая ты молодец. А мне бы в голову не пришло.

Так вот, шла я с Востряковского кладбища, поцарапанная и обкрапивенная, и думала думу горькую. С одной стороны, то, что в России так запускаяют могилы людей, у которых не осталось родственников (или остались, но не могут или не хотят приезжать), – это позор. Позор церквям, позор синагогам, позор государству. Нельзя так поступать со своими мёртвыми. Они не ничьи, они все ваши. Они на этой земле жили, работали, воевали, строили, рожали и умирали. Вокруг их могил как минимум надо полоть сорняки и очищать проходы. Денег нет – так субботник бы устроили. Собрали б народ, пошли на кладбище и расчистили весь этот бардак за день-два.

С другой стороны, как здорово, что люди приходят на могилы! Часто без машины, с тремя пересадками, потом на маршрутке, с веником и ведром в руке, в любую погоду, тратя большую часть дня... Но скажите, ухаживай в России кто-то за могилами бесплатно, ходили бы люди на кладбища в

таких количествах? И ведь Россия – страна довольно централизованная. Если кто-то родился и вырос в Москве или в Питере, то вряд ли уедет оттуда в Псков. Возможно, конечно, но шансы невелики. А Америка – одна из самых мобильных стран мира. Люди переезжают постоянно. Поговоришь со стариками, так у них в среднем из пяти детей в часе езды от родителей живёт один. Обычное дело: старушка-мать доживает дни в Бостоне, один сын обитает в Калифорнии, другой в Техасе, а дочь во Флориде. В лучшем случае в Вермонте. А их дети будут жить в Северной Каролине, Вирджинии или Юте. Не поездишь.

А может, и не надо? Может, важнее жить в памяти, в рассказах, в молитвах, в тостах, в фотографических альбомах и в окружающих предметах? Камень ведь – просто символ, под ним гниющее тело, души там давно нет. Я, например, деда помню и своим детям рассказываю. И с мамой мы часто его вспоминаем. От того, что его памятник осел и затерялся в бурьяне, наши воспоминания не меняются. Лично мне память детей и внуков куда важнее, чем камушек на обелиске. И всё же... хочется, чтобы тебя навещали. Ну хоть иногда. Если честно, обидно, что не нашла дедушку. Не за него, а за себя. Хотелось поговорить с его портретом. Почему-то с портретом легче говорить, чем с абстрактным образом в голове, особенно если знаешь, что под портретом – он.

Американцы помнят своих родных, любят рассказывать о предках, показывать фотографии, вспоминать, делиться,

улыбаться, смахивать слезу, залезать на стул в поисках старых альбомов и писать мемуары. На кладбища они ходят очень редко. Но иногда ходят. Проходят по тихим аллеям, по аккуратным рядам, чинно стоят у памятников. На этих кладбищах хорошо медитировать, думать, отдыхать душой. Вокруг работают брызгалки, поливают траву. Кто-то подметает дорожки. Да не кто-то, а работники, за которых мы все платим. Ответственность за могилы лежит на общине. Каждый по отдельности может быть забыт. *Мёртвые* – не забыты. Даже если на кладбище уже лет пятьдесят никого не хоронили, за ним будут ухаживать. Американское кладбище – действительно смиренное кладбище. И это лёгкая память, прогулочная. Как пыль стряхнуть с фотоальбома.

К российской памяти надо прорубаться через бурелом с веником и ведром в руке. И не медитировать, аккуратно положив цветочек, а причитать, жаловаться, хвастаться и делиться, обметая паутину и пропалывая сорняки вокруг ограды. И знать, что если ты завтра заболеешь и не придёшь, тут всё придёт в упадок, заржавеет и осядет в землю. Не даёт кладбище забыть, не отпускает. Дорого стоит эта память, да не деньгами берёт, а потом, временем, силами.

Какие разные жизни! Какие разные смерти! Какие разные жизни после смерти. Какая разная история и разная правда. На кладбище многое становится понятно про страну и про народ. А где-то там, наверху, летают души, все одинаковые – что русские, что американские, и слушают. «И пусть не

думают, что мёртвые не слышат, когда о них потомки говорят» (Н. Майоров).

Просто жисть заокеанская

Свадьба

I. Благие намерения

По странному стечению обстоятельств моя страна и мой муж решили оформить со мной отношения в один и тот же день. Хватит, говорят, в грехе жить, пора гражданство/брак оформлять. А я что – я не против.

Свадьба прилась на среду. Вообще-то, за свадьбами этого не водится, но нам очень хотелось совместить официальное празднование с неофициальным. Дело в том, что начало совместной жизни мы отсчитываем от того дня, когда я, собрав манатки, перебралась к будущему супругу в его крошечную однокомнатку, где мы стали счастливо жить да поживать, деля хату с тараканами. И хотелось нам праздновать именно этот день, а то, как говорит один приятель, сначала отмечаешь юбилей, потом отмечаешь ебелей, а водки на всех не напасёшься. Раз «ебелей» пришёлся на среду, мы и юбилей засунем туда же, радостно решили мы. Договорились с раввином совохупить (хупа – еврейская свадьба, если кто не знает) нас в его же кабинете, по дешёвке, в полдень. И при-

гласили семью и близких родственников. А кто ж ещё придет в среду?

За две недели до окончания греховной жизни приходит пакет из иммиграционной службы. Приходи, говорят, в среду в 10 утра гражданство получать, а то живём вместе уже семь лет, неудобно как-то. Муж (тогда ещё будущий) предложил не беспокоиться. Он гражданство за несколько месяцев до этого получал, и заняло это буквально пару часов. Заберут, говорит, грин-карту, выдадут сертификат о натурализации, задерёшь клятвенно правую лапу – и иди домой. Но мы на всякий случай момент торжественного совохупления на три часа дня перенесли. В предбрачной суматохе умудрились не обратить внимание на то, что гражданство мне должны были дать в Флит-центре – огромном стадионе, где играют бостонские хоккеисты и баскетболисты, тогда как муж получал гражданство в маленьком правительственном здании, в каком-то актовом зале.

II. Гражданство

Итак, я еду получать гражданство. Для начала попадаю в непролазную, мёртвую пробку. До Бостона километров 30 (20 миль), даже меньше. Я ехала два часа. Ползла. Обматерила бостонский Биг диг (год на дворе 1997-й, весь город перекопан), всех водителей и их матерей, чёртову иммиграционную службу, два года тянувшую резину с моим граждан-

ством, штат Массачусетс и ещё много кого и чего. Приехала в 11 и решила, что гражданства мне не видать как собственных ушей. На гараже Флит-центра вывешен знак «Мест нет. Гараж заполнен». Вокруг никого. Запарковаться в этом районе Бостона в будний день практически невозможно. А я уже на час опаздываю.

Объехав все соседние районы, чуть не схватив удар на нервной почве и окончательно испугавшись, что мне как злобно опоздавшей не только гражданство не дадут, но и какую-нибудь бюрократическую бяку устроят, минут через пятнадцать я чудом нашла место на тихой улочке. Вокруг жилые дома. Никаких знаков, запрещающих мне парковаться, вроде нет, да и чёрт бы с ним, в конце концов. Влепят штраф – переживу. Как заяц выскакиваю из машины и бегу к Флит-центру.

Захожу. Ничего не понимаю. Вокруг тьма народа всех цветов, говорят на десятках языков, дефилируют по коридору, не спеша проходят в зал. Бегу в зал. Спортивная арена медленно наполняется народом. Ничего ещё не началось, опоздания моего никто не заметил. Это при том, что на часах 11:30, а звали к десяти. Нам объясняют процедуру: по секциям будем спускаться вниз, по очереди сдавать грин-карты клеркам, сидящим на арене, получать сертификаты и возвращаться на места. Когда все свои сертификаты получают, будет перерыв, а потом церемония с речами конгрессменов, торжественной клятвой и т. п. Смотрю на арену: там четыре или

пять клерков, которые никуда не спешат. Флит-центр забит до отказа. Спрашиваю у какого-то служаки, сколько это всё займёт. Да весь день, вестимо. Объясняю ему, что у меня сегодня свадьба. На что мне вежливо говорят, что в среду свадьб не бывает, расскажите вашей бабушке и что американское гражданство получают раз в жизни. Надо радоваться и гордиться, а не придумывать тут чёрт знает что.

Бегу искать телефон. Пока до нашей секции очередь не дошла (ещё пару часов ждать, я так понимаю), можно выходить из зала. Нахожу телефоны. К ним километровая очередь. И только стоя в очереди, я окончательно осознаю, что здесь происходит. Иммиграционные службы города Бостона пошли на рекорд. Во-первых, из-за новых иммиграционных законов куча народа, жившего в стране годами и в ус не дувшего, внезапно поспешила подать на гражданство. Во-вторых, 1 апреля 1997 года в Бостоне был рекордный снежный шторм, и около тысячи человек, которые должны были в тот день получить гражданство, не смогли попасть в город. Их присягу пришлось перенести на сентябрь. Короче, 17 сентября 1997 года в Флит-центре находилось почти пять тысяч человек. И всем этим людям как-то забыли сообщить, что ими будут бить рекорды. У многих кто-то из родственников и знакомых гражданство уже получил и рассказал, что займёт это пару часов; на пару часов большинство и рассчитывали.

В очереди царит паника. Люди истерически звонят всем,

кому могут дозвониться, пытаются найти бэбиситтеров на непредусмотренный остаток дня, объясняют, что придут не в час, а неизвестно когда, а бабушке нужно вколоть инсулин, переназначают важные встречи. Кто-то что-то исступлённо твердит на непонятном языке... В туалете плачет беременная женщина: в Центре продают только хот-доги, претцелы и подобную дребедень, есть она это не может, её тошнит, а еды с собой не взяла, думала, что пару часов...

Из здания никого не выпускают, дабы взявшие сертификат не смотались без принятия клятвы. Мы в ловушке. Посреди всего этого довольно расхаживают иммиграционные чиновники. Они хотят всем рекордам свои звонкие дать имена. Я звоню домой – никого. Бегать, думаю, пошёл. Очень кстати. Звоню будущему свёкру, объясняю ситуацию. Перезвони, говорит, через час, я тут разберусь с ситуацией.

Пока жду, решаю купить чего-нибудь поесть. Ещё одна километровая очередь, ну да нам спешить некуда. Лезу в сумку и вдруг осознаю, что ключей от машины в ней нет. Вываливаю всё содержимое на ближайшую поверхность, переворачиваю сумку вверх дном – ключей нет. Понимаю, что ключи украли, пока я тут бегала кругами. Вокруг тысячи людей всех мастей, и найти ключи в этом вавилонском столпотворении совершенно нереально. Свадьбу, судя по всему, придётся на год перенести (ну запали мы на этот день в году, важен он для нас), «Мазду» мою любимую стибрили, жрать нечего... Настроение, мягко говоря, непраздничное.

Через час перезваниваю свёкру. Раввин, говорит, весь день у себя в кабинете, у него работы полно. Просил не волноваться, хупу сделает в любое время. Родственники подождут. Только мужа твоего нет как нет, второй час никто дома не отвечает. Почему-то отсутствие мужа меня в этот момент не трогает, я волнуюсь за машину.

Следующие несколько часов я помню плохо. Бегала, звонила (мужа нет!) безуспешно искала ключи, получила сертификат, опять бегала, не-помню-кто толкал речи не-помню-о-чём, клялась в верности Соединённым Штатам Америки, вышла не помню даже когда на улицу и побрела к своей машине, не надеясь её увидеть. Мне было уже всё равно: нервные силы кончились.

Машина, как ни странно, оказалась на месте. Но ключей нет. Телефонов вокруг тоже нет (как мы жили без мобильных?). Вокруг жилые дома. На улице пусто. День моей свадьбы скоро подойдёт к концу...

III. Приключения с машиной

Заглядываю в машину, проверить, всё ли на месте. И вдруг вижу: под сиденьем что-то блестит. Присматриваюсь – ключи! Впопыхах я уронила их на пол, а машину, естественно, заперла. Ура, ключи нашлись!

Что делать? (Про «кто виноват» скромно умолчим.) Иду искать признаки жизни и телефон. Через пять минут ходь-

бы нахожу крошечный магазинчик, кажется, книжный, и прошу разрешить воспользоваться их телефоном. Объясняю про свадьбу, про гражданство, про запертую машину... Мне, чувствуется, не верят, но решив, что раз уж я такую историю наплела, то позвонить куда-то действительно нужно, мило-стиво пододвигают телефон. Звоню в ААА, объясняю всё сначала и прошу приехать поскорее, отпереть машину: свадьба у меня. А мне в ответ уже знакомое: не бывает свадеб в среду, не придумывайте лишь бы что, только б влезть без очереди, приедем в течение двух часов, у нас полно таких.

Бреду обратно к машине, думая, что через два часа мож-но уже точно никуда не торопиться. Пока жду, пытаюсь чем-нибудь подручным всковырнуть замок. Ага, сейчас. Маши-на хорошая, японская, сработана на славу, не подцепишься. Неожиданно из соседнего подъезда выходит мужик с желез-ной вешалкой и предлагает помочь «такой симпатичной де-вушке». На всякий случай сообщаю ему, что у «симпатич-ной девушки» сегодня свадьба. Дядя слегка вянет (спасибо, что хоть не упоминает про день недели), но уходить ему уже неудобно, и мы начинаем вместе ковырять машину вешал-кой. Подозреваю, что изредка проходящим и проезжающим картина кажется забавной, если не подозрительной: средних лет мужчина в домашнем прикиде и молодая девушка в па-радном кремовом костюме изо всех сил пытаются вскрыть стоящую на обочине машину. В полицию никто, по счастью, не позвонил. Видно, не очень мы вписывались в образ взлом-

щиков. А могли бы и позвонить.

Мы уже расковыряли всю резину, огибающую стекло, а замок – ни в какую. Дядя неуверенно промямлил, что ему пора домой, и щедро предложил оставить мне вешалку. Он уже почти ушёл, но тут с нами поравнялись двое молодых парней весьма подозрительного вида. Была б я там одна, ни за что бы их окликнуть не решилась, очень уж парниши напоминали ребят, сбежавших из мест не столь отдалённых, но в присутствии мужчины с вешалкой набралась смелости и вежливо поинтересовалась, не помогут ли мне открыть машину. То, что произошло дальше, надо было видеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.